

ВЛАДИМИР КОЗЛОВ

Сайга для Деда

ГОРЬКОЕ МОЛОКО — 5

Владимир Козлов

**Сайга для Деда.
Горькое молоко – 5**

«Издательские решения»

Козлов В.

Сайга для Деда. Горькое молоко – 5 / В. Козлов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-907692-2

Козлов В., «Сайга для Деда» из книжной серии «Горькое молоко» продолжает знакомство с героями предыдущих книг, Иваном Бедой, Сергеем Бедой и Вовкой Колчаком. В этой остросюжетной книге им попадают в руки убийцы их близких людей. Что будет дальше, читатель узнает, прочитав эту захватывающую книгу.

ISBN 978-5-44-907692-2

© Козлов В.

© Издательские решения

Содержание

Журба	6
Спортивный праздник	7
Подарок и острые темы	16
Любви обильный	24
Вещь вероятно дорогая	26
Гоша	28
Труба	32
Плясун	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Сайга для Деда Горькое молоко – 5

Владимир Козлов

© Владимир Козлов, 2018

ISBN 978-5-4490-7692-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Журба

Слухи о происшествии на заимке, где Колчак с Жигой чуть были не поджарены каннибалом Гаврилой и милиционером Кактусом, облетели весь город. Вовка уже задыхался, когда его бесчувственное тело омовцы вынесли на воздух. Жига быстро оправился, после выпитого эметина. Фура скончалась со ржавым напильником в боку на заимке. Кактус, бывший капитан милиции, проткнул своему другу печень и сбежал в лес, где там сгинул бесследно. Искать его не стали, так, как уверенность быть смертельно обмороженным или разорванным дикими зверями в глухом лесу была велика. Не редко случалось, когда в сильные морозы даже бывалые охотники не справлялись с выходками вероломной природы. Когда их силы иссякали они, ложились на снежную перину и уходили в вечный сон. И только по весне находили обглоданные тела горе – охотников. Так – как это были в первую очередь камышовые охотники, которые пренебрегали друзьями и ходили в одиночку по неизвестным тропам с большим запасом спиртного. После этого случая знакомые не давали проходу Колчаку с Жигой, выпрашивая подробности о лесных обитателях, но сами они толком ничего не знали, поэтому ответов интересующие люди не получали. Вовка Колчак, всю информацию черпал сам от Надежды. Она сказала, что самого Гаврилу в бане разнесло по кусочкам от взрыва, что собрать его было не возможно. То, что он занимался каннибализмом, это была самая натуральная чушь, хотя захоронения человеческих останков было откопано немало. Но это были бомжи, которым не смогли бы помочь, ни одни медики.

...Не прошло и двух недель после этого нашумевшего случая, как на следующий день после Рождества, всю область облетела жуткая весть. – В онкологическом центре была убита врач Беда Манана Львовна. Версия этого жуткого преступления была одна. – Случайный наркоман при ломке добивался дозы, в чём ему было отказано. Тогда при помощи ножа он решил свои проблемы. Сейф с наркотическими препаратами был дочиста выпотрошен. И ещё одна важная деталь, которую выдал следствию Иван Романович. У Мананы на теле не оказалось серебряного жетона с бриллиантом в 0,5 карата. Но всё равно убийца не был арестован, по причине не установления. Ни следов, ни улики он после себя не оставил. Видеосъёмки тоже ничего не дали. Похоже, было, что это дело сдадут в архив, так, как искать жетон с бриллиантом, шансов практически никаких нет. Был на подозрении в прошлом один убийца врача по фамилии Пальцев. Но эта зацепка лопнула, как мыльный пузырь. У Пальцева на момент убийства было железное алиби. И мало того этот Пальцев давно перековался в очень важного и уважаемого бизнесмена. На этом ход следствия затормозился. Иван Романович несколько раз тревожил прокуратуру о новостях следствия, но кроме развода рук и покаянных отговорок, ни чего не получал. Её хоронили полгорода, прилетели из Канады все дети и внуки. Один Альберт был без детей – так, как семьёй ещё не обзавёлся. Дед Роман настаивал, чтобы его сноху похоронили на их погосте в Осинках, но Иван и родственники Мананы из Абхазии решили похоронить её на городском кладбище. Но этим, трагическим случаем несчастья рода Беды не закончились. С разницей в один месяц Иван Романович похоронил престарелых родителей. Вначале ушла мать, а затем дед Роман.

Спортивный праздник

Это был не день физкультурника, а ежегодный спортивный праздник в начале лета коллектива физкультуры судостроительного завода. На этом празднике всегда в первую очередь чествовали ветеранов спорта. Это был живой и радостный праздник для активных людей. На улице в этот день было безлюдно. И это понятно! Основная масса людей находилась на стадионах, на пляже и на дачах. Была солнечная июньская погода. На стадионе играла маршевая музыка и, сквозь неё прорезался, словно канонада оживлённый шум зрителей, перемешанный с аплодисментами.

– Видимо футбол идёт? – подумала Ирина Савельева и посмотрела на часы. Обе стрелки находились в положении на цифре двенадцать. Она явно нервничала и постоянно через открытые ворота смотрела на широкую аллею, откуда должен был показаться Иван Романович Беда. Она опоздала ровно на тридцать минут. На душе была тревога, что он, не дождавшись её, покинул стадион один. Она суетливо кружила вокруг своего выдавших виды старенького автомобиля, беспрестанно бросая взгляды в сторону ворот. Когда на горизонте выросла спортивная фигура Ивана Романовича, или Деда, как его называли близкие люди, Ирина быстро взяла с переднего сиденья своих Жигулей букет цветов и сделала торжественное лицо.

Дед бодрой походкой вышел со стадиона, с пренебрежением осмотрел средство передвижения Ирины. Что – то про себя пробурчал, но букет взял и, нахмурившись, её уколол:

– Что – то ты девушка припозднилась, – праздник уже кончился. Надо было тебе на спортивную арену заглянуть.

Ирина улыбнулась и галантно взяла под руку Деда:

– Что я парадов не видела. Настоящий праздник у нас ещё будет и, открыв дверь своего автомобиля, стала оправдываться. – В магазине задержалась, не думала, что на кассе много народу будет. Прямо, советские времена.

– Ты советские времена не трогай, – недовольно отрезал Дед и с неохотой залез в машину. Устроившись в кресле и осмотрев салон, добавил:

– Хотя бы тачку себе правильную купила. На ископаемом транспорте мне ещё не приходилось ездить.

Ирина кокетливо возмутилась:

– А чем тебе Иван моя машина не по нраву?

– Больно позорный вид у твоей машины, похож на дореволюционную самокатную тележку Кулибина.

– Зато никто не угонит, – парировала Ирина.

Дед весело хмыкнул:

– Да это понятно, что не угонят, но желающих точно очередь выстроится, как в мавзолей.

– Очередь прокатится на моём «Ягуаре?» – обрадовалась, как ребёнок Ирина.

– Но! Но! Не восхваляй свой тарантас. Очередь выстроится, только для единственной цели, чтобы на капоте твоего «народного дилижанса» оставить свои ароматные испражнения в виде кабачкового пудинга.

...Ирина не ответила на колкость Деда и завела машину. Она свернула в проулок, после которого выехала на шоссе-ую улицу. Там для неё было раздолье. Она нажала на газ и, в открытое окно дверки моментально ворвался горячий воздух, который разметал её причёску на голове. Она не сбавляя скорости, приподняла стекло и посмотрела на Деда. Их взгляды встретились. Но продолжения разговора не последовало. Дед понял, что она обиделась. И, чтобы загладить свою вину неожиданно предложил ей:

– Ир, да ты не горюй, я же тебе не со зла сказал. Я о твоём имидже беспокоюсь. Ведь яркую женщину должен украшать красивый мужчина и модный автомобиль. Поэтому я тебе предлагаю вместе с собой и свою машину. Поняла мадам?

Ирине было 60, но выглядела она значительно моложе. Она относилась к ярким и привлекательным женщинам, о которых в народе говорят: «один раз увидишь и никогда не забудешь». Чистокровная брюнетка, без седины в голове, черноброва, стройна, как манекен и безумно обворожительный взгляд делали её просто красавицей. Многие вдовцы и одинокие мужчины после смерти её мужа Лёни предлагали ей руку и сердце. Но она была неприступна. Ирина тайно любила много лет своего кума Беду. И не скрывала от него своих чувств в течении всей жизни.

Она не ответила ему на его предложение. Сочтя, что Дед шутит, как всегда, но сердце у неё в этот раз ёкнуло. Когда подъехали к дому, Ирина заглушила мотор, посмотрела в зеркало салона. Затем сверкнув своим колдовским взглядом в сторону Ивана, произнесла:

– Я тебя за язык не тянула, сам назвался. Не миновать нам сегодня свадьбы!

Дед уже сам не рад был, что после выпитого шампанского на стадионе, у него с языка сорвётся судьбоносная фраза. Его лоб покрылся потом, который он смахнул тыльной стороной ладони, после чего над надбровьем появился ярко – красный след. Он успел тоже посмотреть на себя в зеркало и, прикрыв лицо букетом, вышел из машины. А Ирина взяла с заднего сидения сумку с провиантом, закрыла машину и последовала следом за ним.

Иван Романович открыл дверь своей квартиры, пропустив впереди себя Ирину, а затем сам переступил порог. Тихо закрыв за собой дверь, он бросил со звоном ключи на трельяж, стоявший в прихожей и, возвратил букет Ирине:

– Ира выгружай свой пакет на стол и поставь цветы в вазу, да занимайся сервировкой стола, – сказал Иван. – Где, что находится, сама найдёшь, а я попробую мальчишкам дозвониться. Что – то меня беспокоит их долгое молчание. Обычно в этот день, они с утра ко мне приезжают с подарками и поздравлениями, а сегодня тишина.

– Что ты Ваня беспокоишься за них, – начала успокаивать Ивана Ирина. – Ты забыл, что из мальчишек они давно превратились в зрелых мужчин. А Сергей тот вообще рыцарь! – мечта каждой синьоры. Особенно женщины бальзаковского возраста, самый липучий и охочий контингент ему вообще не дают прохода. Младший брат копия он – любит головой крутит на улице. Кстати ты Сергея не намного старше, нечего прикидываться дедушкой.

Дед подошёл к открытому окну и, вывалив из него половину своего туловища. Посмотрев по сторонам и убедившись, что племянники не обзвываются, присев на табурет, мрачно произнёс:

– Это с какой стороны посмотреть Ирина, – раньше меня Серёга называл Иваном, а с некоторых пор дедом зовёт. Неужели старый стал?

– Вань, да ты что на свет только уродился, – хлопнула она себя ладонями по бёдрам. – Тебя весь двор Дедом зовёт, не за возраст, а за мудрость твою. Гордится надо и не смотри на своих племянников. Им судьбой предначертана привольность.

Обернувшись к Ирине лицом, он бросил на неё осуждающий взгляд и мягким баритоном произнёс:

– Не молоти языком, чего не знаешь? Они ребята правильные, все в меня!

Ирина сладострастно зевнула и, прикрыв рот ладонью, продолжила:

– Наверное, Вовка сейчас отдыхает с новой незабудкой. Ты же сам говорил, что он любитель собирать цветы. А может сам, где празднует день спорта. Не забывай он тоже спортсмен, хотя и бывший.

Иван Романович встал с табуретки. Взяв с холодильника массажную расчёску, интенсивно стал чесать свою голову:

– Не говори глупостей, – повысил голос Дед, – Вовка ни дня не проработал на нашем заводе, какой ему праздник? А ещё я видал его сегодня с детской коляской. Этот парень, очень сильно изменился. Весь двор говорил, что бандит вырастит, а я верил в него. Знал, что он хорошим человеком будет. Очень толковый парень. А был, похлещи своего старшего брата Серёги. Бывало, такого натворит, волосы дыбом становятся. Отсидел срок, одумался. Сейчас вот семьёй обзавёлся, жена Полина сына ему родила. Сам он работает и в институте заочно учится. А вот Серёга мой слишком богатым стал и это я скажу не на пользу. В Осинках такого понастроил, – диву даёшься. Но иногда кружится, выпивает. А бизнес спиртного не приемлет.

– Что ты Дед всё зарядил «мой Серёга, мой Серёга», – передразнила его Ирина, – оба они твои племянники!

– Это ты правильно заметила Ирина, – опомнился Иван Романович, – просто воспитанием Серёги я занимался полностью. Тогда сестре Клавдии было тяжело. Вот и пришлось мне исполнять роль отца. Справедливости ради надо сказать папа для него может быть я был неплохим, а вот Макаренко Антоном Семёновичем оказался неважнецким, – прозевал я на каком то жизненном этапе Серёгу. На зону попал. А уж воспитанием Вовки занимался Серёга, и конечно Захар имел на него влияние. Да что я тебе рассказываю, ты всю подноготную нашей родни знаешь.

При упоминании Захара Ирина мило и загадочно заулыбалась, что не ушло от острого взгляда Ивана Романовича.

– Ты ещё Ирина не знаешь, какая оказия произошла с нашим родом. Под новый год, дед мороз сподобил нас ещё одной родственницей. И кто бы знал, что жила и росла в нашем дворе хорошая очаровательная девочка, которая сейчас работает милиционером, – наша родственница.

– Это ты Иван не про Надю – ли говоришь? – вытерев фартуком, луковые слёзы с глаз, спросила Ирина.

– Про Надю, про неё родную, – молвил Иван.

– Она мне кажется в положении?

– Уже нет. Родила девочку вчера, – Ларой назвала.

– По каким каналам она вам родственницей стала?

– Она Захару приходится родной дочкой. Он не знал, что она его дочь. В могилу ушёл в неведение.

– Да у Захара столько женщин было за его жизнь, что каждая наверно подарила ему по дитяти, – сказала Ирина.

– Быть то были, но ребёнка ему только Нина Зарецкая подарила, это я точно знаю. Я знал её хорошо и их отношения были, считай у всего города на виду. Насколько я знаю, эта Нина ничем криминальным не промышляла, как ты в молодости. Хотя из других источников я слышал, что Захар её перекроил под себя, и она была в его делах первой помощницей. Любила Захара преданно, была до их встречи военным авиатором. Но по состоянию здоровья её комиссовали из ВС. Сама руки на себя наложила. Когда Захара в очередной раз арестовали, вот она и отравилась в роддоме. Тайну о дочке попечители хранили за семью печатями. Её удочерила женщина, работавшая в больнице. Потом по воле случая, ей дали квартиру в нашем дворе. А мы и ведать не ведали, – переехала новая жительница с грудным ребёнком. Как говорят обычное дело. Захар знал эту женщину и общался с ней, как с соседкой и не больше. И Надя у него на глазах росла, а вот, что это его дочь он не догадывался.

– Когда ему догадываться, если он, то в бегах, то в тюрьме, – вставила Ирина.

– Что верно, то верно, – вздохнул Иван, – этого он по горло нахлебался. Я ему несколько раз говорил, – Захар не гонись за воровскими титулами, – не та жизнь у воров наступила. Это раньше воров бомбили только менты, а сейчас говорю, опасность вашему брату грозит с разных

сторон. Даже за границей вас достают. И ты знаешь, что он мне ответил на это? – И я думаю отчасти он в чём – то прав.

– И чего – же такого интересного он тебе выдал? – посмотрела на него Ирина.

– Он мне сказал, что я живу в другом измерении, и много в этой жизни не понимаю. Говорит что на самом деле воры в законе это народные герои страны, которым памятники не воздвигают. Твои говорит, коллеги футболисты и хоккеисты не могут показать силу русского духа капиталистам, а мы народовольцы всему миру уже доказали, что русский человек смелый и рискованный и никогда никого бояться не будет. Сегодня говорит, – мы для всех басурман являемся эталоном силы нашей страны.

– Интересная формулировка, – сказала Ирина, выслушав Деда.

– Вроде она нелепая, я бы сказал нагловатая, но смысл в ней заложен верный, – сказал Иван Романович. – Он трактовал мне её так убедительно. Что я вначале склонялся в правдивости его слов. Но это была всего лишь отрыжка моего жиганского характера в молодости. Ведь нет Захара в живых больше пяти лет, а мог бы жить и жить ещё. Хорошо, хоть Захар успел Сергею и Максиму помочь, а на деле оказалось, – помог всему нашему роду. Раскрутились племянники не хило на заводе. И моим покойным родителям при жизни сильно помогали. Ты заметила, как у меня в холодильнике богато, – это всё Серёга трамбует. Моя пенсия идёт на коммунальные услуги, да на витамины и мази для спины.

– Знаю, я отлично, что он тебе без конца помогает. Мы с тобой Вань, считай родственники и как ты живёшь мне всё известно.

Дед, подошёл опять к окну:

– Застряли где – то ребятки, – недовольно покачал он головой. – Не видать никого, – пойду, позвоню. Они же с моими охотничьими документами, где – то разъезжают. Серёга взял и говорит, мы тебе дед подарок к твоему празднику хотим сделать стоящий с Вовкой. А Вовка мне сегодня, словом не обмолвился. Обещал только зайти попозже, что бы вместе в роддом сходили к новоиспечённой родственнице.

– Вань всё у меня готово, – сняв с себя фартук, сказала Ирина, – давай, пока дома никого нет, я тебе спину разотру, а потом будешь звонить, – предложила она.

– Тебе кума, наверное, картина моя на спине больше нравится, а не сам процесс втирания мази? – спросил Иван Романович.

– Тебя мне дурака жалко. Больно смотреть, как ты мучаешься со своей спиной.

– А мне так доктор и сказал, что умереть ты не умрёшь от своего радикулита, но настрадаешься вдоволь. Смысла нет, Ирина мазать мне спину в сей момент. Водку будем пить, а это анальгин! Вот вечером я тебе свою спину оголю. Что – бы завтра утром с постели легко было встать.

...Он ушёл в спальню и вернулся вскоре оттуда с сотовым телефоном:

Откуда такое богатство? – спросила Ирина, и тут – же сама себе ответила: – Можешь не говорить, Серый или Максим задарили.

– Не угадала, – довольно заметил Дед, – это Альберт удосужился мне такой подарок вручить. Для меня пока эта небольшая штучковина ещё не изучена. Знаю, как звонить и как отвечать. Серёжка обещала научить, только у нас получается, то ему некогда, то мне. Да в принципе, мне больше от этой «радиостанции» больше ничего не надо.

Он вновь подошёл к окну и, приподняв руку, резко разрубил воздух ребром ладони:

– Сказал Серёжка, что как подъезжать будет, сообщит. Видимо весь в делах. А телефон пускай здесь лежит, а то вдруг дети из Канады позвонят, – после чего он положил телефон на подоконник.

– А Клавдия не обещала тебя поздравить, или она в деревне гостит у родителей? – спросила Ирина.

– Нет, поехала вчера на экскурсию в храм Серафима Саровского в Дивеево. Думаю, к вечеру будет у меня. И запомни Осинки не деревня, а современное село со своим храмом, клубом и торговым центром.

– Сам своё село часто деревней называешь, вот я на твой манер её обозначаю.

– А и правда, что это я на тебя накинулся? – задумался он, – знать, не бывать нашей свадьбе сегодня. Ирина только улыбнулась, но пререкаться с ним не стала, а только спросила:

– А ты сам то, что в Дивеево не поехал? – Я слышала там лечебные источники хорошие.

– Я там был не единожды с Зуритой и Сергеем в начале лета ездил. Я на этой святой земле заодно и крещение принял. Некрещеным всю жизнь прожил. Ничего страшного не произошло. Бог был милостив, меня не обижал всё это время.

– Как же не обижал? А три с лишним года в зоне забыл, а как второй раз чуть срок не схватил? Всё – таки полтора месяца в тюрьме просидел не за что. Это разве не божье наказание.

– Конечно, нет, – разволновался Дед. – Разобрались, выпустили потом и дело закрыли. Мне тогда с сокамерниками повезло. Сидел со мной один хороший парняга Валера Пикин, он, то мне и посоветовал, как выпутаться с того дела. Помню, ему тоже моя наколка на спине понравилась Витязь в тигровой шкуре. Срисовал у меня, её, и пока я сидел, ему набили на спину, такую же один к одному. А срок мне тогда корячился реальный, но обошлось. Случись бы это у нас в городе, дело замяли бы сразу. Меня арестовали на острове в Горьком, и ружья тогда я чуть своего не лишился. Когда разобрались, всё вернули и извинились даже. Но сорок пять дней в следственном изоляторе просидел. Моя вина там была небольшая, – находку с запасными частями от легковых автомобилей, тащить в лодку. Вот тогда засада меня и сграбастала. А мыслишка у меня коммерческая была налево находку продать. Потом поймали натуральных похитителей. Много их тогда человек на скамье подсудимых оказалось. Они несколько лет тащили с автозавода запасные части. Срока получили, от трёх до десяти лет.

Дед задумался, и резко взглянув на Ирину, неожиданно промолвил:

– Давай выпьем лучше, и ты меня больше на такие воспоминания не наводи. Я о своих проведённых днях в неволе ни с кем не хочу разговоры вести.

– Сам меня пригласил на застолье воспоминаний, и я виновата.

– Так ты приятное вспоминай, как мы время в молодости хорошо раньше проводили. Или забыла?

– Почему забыла? – но мы совсем недавно все воспоминания с тобой в присутствии Вовки перемолотили. Неужели не помнишь?

Дед свёл к переносице брови:

– Я, то помню, а вот ты забыла. У меня не бывает провалов в памяти. Не при тебе будет сказано, но я иногда искусно маскируюсь от болтунов и всезнаек. Бывает даже, тугоухость свою включаю, хотя слух у меня идеальный.

Он озорно улыбнулся и продолжил доказывать Ирине, какая у него превосходная память:

– Вот ты девушка помнишь о приятном прошлом? Нет! А я готов вспоминать счастливые денёчки и по твоим и по своим пальцам.

Ирина взяла бутылку с красным вином со стола и налила себе в бокал. Сделав глоток вина, она поставила на стол и налила из графина Деду в стопку водки. Они выпили и закусили спиртное пастилой. Ирина изящно, двумя пальцами выдернула из стакана белоснежную салфетку и, вытерев губы, сказала:

– Ты давай не задавайся? Тоже мне архивариус нашёлся! Да для меня все события связанные с тобой, как будь – то вчера произошли. Как мы все праздники вместе проводили. Как ты нас на охоту и на рыбалку за собой всегда таскал под видом похода. А моему покойному Лёне, так и не привил любовь к природе. Но ты меня не обманешь. Я знаю, что ты хочешь услышать от меня сегодня. Тебе приятны воспоминания о былой славе футболиста Ивана Беды!

Это я тоже помню Ванюша. Раньше был у нас футбол. На стадионы народ шёл, и не только на него, но и на другие спортивные мероприятия посмотреть. Я помню, как в то время работала на плодоовощной базе калибровщицей. Ты меня с Лёней в секцию стрельбы привёл и сказал: «Хватит лук калибровать. Пора и свинцом заняться». Я тогда приноровилась к стрельбе и грамоты у меня ещё сохранились, а из Лёни стрелка хорошего не получилось. Руки у него тряслись всегда, после операции.

... У Ирины выступили слёзы, но это были слёзы уже не от лука, а от воспоминаний своего покойного мужа и выпитого вина. Прошло около пятнадцати лет, как она его похоронила. Она молодой вышла замуж за инвалида. Леониду, после серьёзной травмы полученной в Куйбышеве, дали вторую группу инвалидности. И Ирина при нем была больше нянька, чем супруга. И этот крест она несла до последних дней его жизни. Она сама выбрала себе такую участь, так как, в его частично потерянном здоровье, считала себя больше виноватой, чем он сам. Она салфеткой аккуратно промокнула глаза:

– Не получается у нас Иван с тобой приятных воспоминаний, вот и ты слезу из меня выдавил.

– Успокойся Ирина, – начал утешать её Дед, – жизнь всё равно удалась, хотя и была она у тебя порой трудной.

– Вань, всё бы ничего, да вот детей и внуков у меня нет, как у тебя. А это считай неполноценная жизнь. У меня всю жизнь ребёнок был один, – мой супруг. Я часто задумывалась над этим, и считала всегда себя одинокой. Хотя, кажется вот рядом детский дом стоит, сходи и реши этот вопрос. Но тогда были живы его родители, а они были противники, что бы я, кого то усыновляла или удочеряла. Когда их не стало, мне с Лёней хлопот больше досталось, тогда уже этот вопрос сам по себе отпал. Всё моё утешение было в твоих детях, а Соня с Катей, две черносливины для меня всегда были, как родные. Альберт – то у тебя с характером мальчик был, гордым и недоступным, как пик Коммунизма. Мальчики все считай такие, а девочки они ласковей. Я тебе всегда завидовала. Думала, хваткий мужик получился из Ивана Беды. Всё успел в жизни и в тюрьме посидеть, – она на секунду прервалась и извиняющее посмотрела на Ивана Романовича, приложив руку к груди, и продолжила; – в футбол наиграться, дичи настреляться, рыбы до отвала наловить, женится, детьми, и внуками обзавестись. Вот, как много всего успел сделать.

– Дом в селе перестроил и деревьев целый лес посадил, – закончил с улыбкой на губах Дед.

– Ну, допустим, дом не ты перестроил со своим радикулитом, а твои племянники с толстыми кошельками.

– А кто прорабом строительства был? Я – гордо заявил Иван Романович.

– Ты, ты – не переживай, я знаю это. Я шучу Ванюша. Эх, какого я мужика упустила в те далёкие годы. А ведь я тогда прилегла с тобой, не для того чтобы согреться. Думала, может, ты слабым окажешься по женской части. А ты даже и носом не повёл, ощутил меня только утром у себя под одеялом, когда проснулся.

– Ты Ирка не жалея об этом. Я тогда уже женатым был и Манану ни на кого – бы не променял. Я её очень сильно любил, и думаю о ней почти каждый день.

Ирина хорошо знала, как любил и боготворил Иван свою жену, и ни когда не вторгалась в их жизнь со своей тайной любовью. Тем более, они с Мананой были лучшие подруги. Потому, ни по церковным канонам, ни по человеческим правилам жизни, она и не помышляла затушить этот семейный счастливый очаг. Нельзя сказать, что она была одержима в своих мечтах. Нет! Но после смерти Мананы, она ясно понимала что, наконец-то настало время свою домотканую, сермяжную судьбу превратить в плюшевую жизнь. Сегодня настал самый подходящий день для сближения. И она, откинув все меры приличия, без всякого труда начала закидывать удочку на своё будущее семейное благополучие:

– Иван Романович, тебе пора подумать о другой жизни.

– И о какой жизни я должен думать?

– Как старость встретить красиво. Ты ещё крепкий мужчина, если конечно не считать твою спину. Но я тебе её вылечу, – пообещала она. – И закопаем мы с тобой свои одиночества глубоко, глубоко.

– Ирка, ты никак подкатываешь ко мне? – но мы – же с тобой и так всю жизнь, как родные, тем более ты кума моя. – Он почесал затылок, задумался, потом добавил: – Да и вроде не по – человечески это, – люди скажут, в трауре ещё находится старый чёрт, а жениться надумал. Не хотелось бы мне быть на языках знакомых людей.

Он задумался, потом налил себе соку в фужер. Половину выпил, остаток дал допить Ирине:

– Знаешь, что? – привстал он со стула.

– Пока не знаю, – обворожительно улыбалась она.

– Все вопросы по сватовству задавай дочкам и Клавдии, – выпалил он, – я с ними в кон-трах не хочу жить.

Она облегчённо вздохнула, поняв по его словам, что в общем – то он не против создания семьи. И продолжила напористо его атаковать:

– Ты мне час назад сам предложение сделал, а теперь заднюю скорость включаешь. Нет, дружок, – первое слово дороже второго. Хочу тебе ещё сказать про твоё траурное табу, – этот условный запрет распространяется на тех, кто не достиг шестидесятилетнего возраста. А твоя Клавдия и дочки думаю, мне сами предложат, чтобы я к тебе переехала жить. Клавдия мне уже говорила: «Нам говорит, молодая курочка для него не нужна, чтобы заранее его в гроб загнала. А ты Ирина, сама с ним договаривайся на предмет сожительства».

Она в этот момент была необыкновенно возбуждена и без излишней скромности приступила рекламировать свои достоинства:

– А я ведь Иван Романович ещё женщиной могу быть страстной, – кокетливо воспе-вала она.

– Ну, тебя Ирка, ты как была наглая без стыда и совести, такой и осталась. Начала со ста-рости, а закончила постелью.

– Ой, ой, ой, – ударила она в ладошки. – Ты, что Ванюша не знаешь, что в отношении вас мужчин, мы женщины до самой смерти свои супружеские обязанности можем выполнять? – наседала она на Ивана.

– Женщины может быть, но не бабушки, – отбивался он от назойливой Ирины.

– Вань, я хоть и на пенсии, но младше тебя. Плохим здоровьем не страдаю, и на охоту не только смогу тебя собрать, но и пойти вместе, как раньше. Я тебе пока предлагаю свой уход, а там видно будет. Для меня это тоже своеобразной подпиткой будет. Я привыкла к мно-голетнему уходу за своим мужем, что все мои заботы за ним превратились в образ жизни. Хотя откровенно сказать я с ним сильно уставала, особенно в последние дни его жизни. Лёни не стало, и мне ежедневно чего – то не хватает. Ты вот часто приглашаешь меня. То укол сде-лать или спину тебе растереть. Я лечу к тебе на всех парусах. Настроение в этот день у меня нормализуется. Мы ведь с тобой давно едины, только ты не желаешь себе признаться в этом.

Иван Романович хитро прищурился, налил в этот раз в пустой бокал пива и залпом его выпил:

– Так процесс пошёл, вначале ты меня со своими женскими прихотями ознакомила, теперь отождествлять меня с собой начала. Мне это нравится, а как вылечишь меня, что будешь делать? Другого больного будешь искать.

– Бог с тобой Ваня, да я тебе ещё одну болезнь найду, – проникновенно заглядывала она ему в глаза. – Думаешь, я Ваня не знаю, почему ты на пенке в сквере сидишь, глядя в сторону углового подъезда семейного общежития. Знаю я всё и вижу. Учительницу высматриваешь,

которая Серёжку Беду учила. Если ты имеешь планы, на неё какие, то это напрасно. Ты книг много прочитал за свою жизнь, тебя во дворе Мудрым Дедом зовут. А не поймёшь, что если ты её в свой дом приведёшь, то привыкать к ней будешь долго. А ко мне не надо привыкать. Мы с тобой давно привыкшие. Думай Ваня, думай? Не то возьму себе на постой твоего дальнего родственника Жору Хлястика. Он через неделю освобождается, мне его сестра младшая сказала.

Дед на этот раз, не прибегая к стакану, опустошил бутылку с пивом через горлышко и басовито рассмеялся.

– Ты чего зашёлся, как припадочный? – спросила она.

– Вот ему твоя опека будет позарез нужна, – он провёл ребром ладони по горлу, – может и не надолго, но от твоего предложения Жора точно не откажется.

Ирина смотрела на Ивана затаённо, не понимая, чем вдруг был вызван его гомерический смех.

– Хватит смеяться, – остановила она его, – будем считать, что шутка не удалась. Пошутила я, думала, ты забеспокоишься, а тебе хрен по деревне.

– Ты Ирина не обижайся, – укротил он свой смех, – Жоржа постигла участь нашего родственника Лимона Балту, – его в живых давно уже нет. А Жора мужчина не плохой, и сидит не по своей вине. Убийство ему пришили, только за то, что ранее судимый был неоднократно. А улики против него одни косвенные были. Отсидел последний раз, где-то восемь лет и заработал себе болячку, которая позже переросла в онкологию. Вот и до сей поры мучается. И смех мой вызван не твоим высказанным безрассудным предложением, а дикой болью и печалью, за погубленную судьбу Жоржа. И печально то, что никто ответственности за судебную ошибку не понесёт. Группу инвалидности ему там дали, так отпустили бы домой мучиться.

– Оригинально ты выражаешь свою печаль, – изумлённо сказала Ирина.

– Африканцы оригинальней меня поступают. Они когда хоронят близкого человека, исполняют джазовые трясучие танцы, которые во времена нашей молодости находились в опале не только у правительства, но и народа. Так, как исполняли эти танцы стилиаги.

Внезапно зазвонил телефон, от которого Ирина вздрогнула. Дед рванулся со стула к подоконнику, где лежал телефон:

– Это Серёга точно звонит, – взял он в руку трубку.

– Слушаю!

– Алло Дед! Через десять минут буду, – сказал Сергей.

– Ну вот, говорит, скоро будет, – успокоился Дед, и положил телефон на стол.

– Иван, а почему ты говоришь, что никто не ответит за судебную ошибку?

– Таких полуманных судеб у нас по России знаешь сколько, – сказал он. – И мало кто добивается правды. Страсбургский суд, только может оправдать человека, а туда обращаться, нужны деньги. Ни у Жоржа, ни у его сестёр их нет.

– Это, что – же получается, что любого человека, так могут посадить?

– Ты краски Ирина не сгущай. Помнишь, как говорил метко Жеглов, что наказания без вины не бывает. Его вина была в том, что собутыльников себе плохих выбрал. Вот и хлебал за это баланду с сухарями несколько лет. Я, конечно, понимаю, что строго с ним обошлись. Такого срока он себе не заслужил. Но в жизни зачастую бывает, что человек из – за своей недальновидности попадает в переплёты, за которые приходится расплачиваться дорогой монетой.

– А что у нас и за недальновидность уже судят? – спросила Ирина.

– За неё судят не только у нас, но и в других странах и давно, с каменного века. Только правильней это называется – не преднамеренное преступление.

– Тебя слушаешь, нас всех сажать уже надо. Я вот тоже в молодости отсидела, так знала за что. А если у меня с окошка ветром горшок с цветами сдуло и попало на голову прохожему, это что – же мне в тюрьму за это идти?

– А как же, ты должна была предусмотреть вероятность падения и поставить свой горшок в безопасное место, – объяснил Иван.

– Ты Иван совсем, Мудрым стал, ещё выпьешь, как Диоген будешь. Давай я лучше к приходу племянников стол немного реставрирую.

Подарок и острые темы

Не успела она произнести, как они с шумом вошли в квартиру. У младшего брата Вовки в руках были пакеты с продуктами, а старший Сергей держал чехол с карабином.

– Держи Иван Романович и владей, – это Сайга, считай, как автомат, – протянул он Деду подарок. – Мы с Вовкой посчитали, что этот подарок будет для тебя лучшим. Всё – таки десяти зарядный карабин, с оптическим прицелом и облегчённый.

– Это же дорогой подарок, – взволнованно произнёс Дед. Он расчехлил карабин, погладил его приклад и вновь засунул его в чехол.

– Спасибо вы меня прямо огорошили этим подарком. Охота на уток уже открылась, сходим с тобой в милицию завтра, зарегистрируем его на меня, и жди нас с тётей Ирой в деревне. Она уже мне с утра все уши прожужжала про охоту. А сейчас давайте за стол садитесь. Мы все здесь спортсмены, отметим праздник, как подобает.

– Кто у вас за рулём? – спросил Дед у племянников.

– Ты Дед хочешь определить, можно ли нам выпивать, – сказал Сергей. – Отвечаю – можно! Вовке до дома идти тридцать секунд, а меня назад Заур повезёт домой. Он не пьёт сейчас. И просит чтобы его называли, как и в детстве Зуритой. Говорит, что с этой кличкой я счастливее был. Но с вином покончил навсегда.

– Давно ли завязал? – поинтересовался Дед.

– После суда, сразу бросил. Ему условно дали три года. С завода упёр пять пачек электродов. Весь суд уморил своим последним словом.

– Что он там такого смешного задвинул? – спросила Ирина.

– Он судье сказал: – Вину осознал полностью, и просил наказать его по всей строгости закона. Не шадя его прекрасной личности. Попросил приговорить его к самому большому сроку, который предусматривает данная статья.

...Прокурор запросил ему один год лишения свободы. Его судья спрашивает, – а почему вы себе запрашиваете срок, больше чем прокурор? – А он ей отвечает: – Но имейте в виду, если мне в тюрьме не понравится, – сразу выпускайте оттуда.

– Что прямо так и сказал? – спросил Дед.

– Слово в слово, – засмеялся Сергей. – Судья женщина его юмор оценила милосердно в три года условно. Он домой после суда пришёл, а в квартире пустота. У жены спрашивает: «Где аппаратура дорогая и мой кожаный плащ? А она ему выдаёт: – В твоём условном сроке». Он её обозвал саблезубой тигрицей, за её два верхних клыка, и пообещал ей, что воровать начнёт снова. Но началом его воровской деятельности будут её золотые цапки и тряпки. Она дура после его слов снесла все свои ценности к своим родителям, не понимая, что Заур пошутил.

– Ладно, хватит про него, – сказал Дед, – знаем мы про все его чудачества, садитесь за стол? Вы меня сегодня удивили и омолодили на десяток лет своим подарком. Давайте дуло ему смажем.

– Иван Романович, вы старым ни когда и не были. То, что Дедом зовут, я считаю это почётно и уважительно! Не забывайте, что пацан считается до семидесяти лет, – сказал Колчак.

– Это Вовка на зоне так считается. Там, если с умом жить, можно сохранить свою молодость и здоровье. А на свободе в наше время трудно сохранить не только здоровье, но и жизнь. Чего там говорить, – махнул Дед рукой, – сам – же недавно убедился.

– Это они сорвались от нас эти ублюдки. Сами себя порешили, а так бы им всем труба была, – сказал Серый. – Хозяин их мент, смерть свою нашёл быстро. За Захара, получил пулю в Австрии. Пашу Петухова, и одиночная камера не спасла. Теперь все подобные им отморозки хвосты поприжмут здесь. Пускай знают, что за смерть вора отвечать придётся всегда, несмотря на сроки давности.

– Не все погибли, – поправил брата Колчак, – один сгинул в неизвестном направлении и до сих пор не найдут. Но это всё дело времени. Найдут и его.

– А что – же с бичами стало, которые работали на заимке? – спросила Ирина.

– Их отпустили, они не при делах были. И чем они питались, никто ничего из них не знал, кроме Гаврилы и хозяев этой заимки

– Ужас, какой – то, – сказала Ирина, – в наше время и каннибализм.

– Каннибализм давно в России ходит, как только распался союз. И предприятия, которые строил весь народ, живоглоты стали раздирать как сочные отбивные котлеты. Эпидемия идёт уже несколько лет, – сказал Иван Романович.

– Дед, а кто в этом виноват? – только коммунисты, – изрёк Беда.

– Я никогда ни в одной партии не состоял, – спокойно начал рассказывать Иван Романович. – Из октябрят меня исключили, когда я в первом классе сломал нос у Буратино, которого выпилил мальчик из нашего класса. А в пионерах, я меньше суток был. В двенадцать часов двадцать второго апреля мне повязали галстук, а двадцать третьего в восемь часов тридцать минут с меня сняли его. Можно сказать, я заслуживаю себе место в книге Гиннеса, и исключили меня за то что, я съёс с памятника голову Ленину, который стоял у нас в густом сквере. Сегодня не только памятника не осталось, но и сквера нет. С этих пор я ни в одной партии не состоял. Поэтому и карьеру себе не сделал, а возможности были. Я к чему это говорю. Вы молодые и о нашей жизни, которую мы прожили с тётей Ирой, плохо знаете. Виноваты не коммунисты, а коммунисты – ренегаты, которые, как клопы затесались в партию, словно в старый тюфяк. И то, что было плохо при социализме, виноваты именно вот эти самые ренегаты. Они палки в колёса совали всему народу. Отчего до сей поры ругают коммунистов все кому не лень. А чего их поносить? – развёл руки Дед. – Не смотря, что в партии было достаточно приспособившихся предателей, которые портили график социалистического строя, мы жили всё равно неплохо! Сами посудите; квартиры бесплатно, учёба и лечение бесплатно. Нищих не было. А сейчас на помойках бомжи в очереди выстраиваются. И что самое страшное, поносят коммунистов, именно те, кто вскормлен был прежним социалистическим строем, а это я приравниваю к самому настоящему предательству. Эти люди никчемные. Не дай бог, завтра придёт к нам интервент, – страшно подумать, – Родину защищать не кому будет. Патриотизма нет у них никакого. Меня за то, что я голову Ленину оторвал, исключили из пионеров и пожурили. Я вспоминаю, – фильм в детстве смотрел, как в Германии, три подростка исказили портрет Гитлера, подрисовали ему бороду и очки. Их расстреляли за это.

– Иван Романович, так это фашизм в то время был, – перебил его Колчак.

– А ты попробуй сейчас сотвори публично с портретом губернатора что ни будь, – внушительно посмотрел Колчаку в глаза Иван Романович, – тогда будешь сравнивать, при каком строе мы живём. Знаменательный праздник День Победы проводят на площади девятого мая. Вспоминают с трибуны подвиги наших героев – земляков. И словом никогда не обмолвятся, что они все до единого были коммунистами. А всего героев Советского Союза, в Отечественную войну было почти двенадцать тысяч человек, из них девять тысяч коммунисты и полторы тысячи комсомольцев. Это не считая финской войны и озера Хасан. На их примере воспитывалось поколение советских людей. Наша отчизна была самая уникальная и многонациональная, не сравнима ни с одной страной. О могуществе её я молчу. Зачем сегодня так нагло врать молодёжи, что было плохо? – Зачем народу говорить про сталинские лагеря? Сколько людей в них сидело. Ни кому это не нужно. Лучше боритесь с тем, чтобы наша молодёжь не знала, что такое тюрьмы, лагеря и наркотики. Сейчас лагерей больше стало, чем при Сталине, и естественно людей больше сидит. Когда я сидел, не то чтобы кто, то из надзирателей или ментов имел право ударить заключённого, а грубого слова не говорили. Сейчас фильмы показывают, что творят эти силовые структуры с арестантами, диву даёшься, такого издевательства немцы с пленными не творили. Я когда у тебя Вовка был на свидании, тогда ночью привезли

этап. Слышно хорошо было, как они натуральным образом убивали заключённых, закованных в наручники. И по выкрикам конвоя, сложно было разобрать, кто из них преступники. Конвой этот после бы посадить в одну камеру с этими арестованными, на один часик. Узнали бы, сколько стоит дубинка и их кованые ботинки. Вот вся милиция за такие издевательства и получает адекватную реакцию.

– Дед у нас на зоне, насчёт этого порядок был, никогда ни кого не избивали, а конвой это другое дело. Они потешаться любители. А почему, – потому что туда идут бывшие обиженные и те, кто в армии правил дедовщину, – сказал Серый.

– Вас на зоне не били, потому что ты сидел на городской командировке, – выдал свой аргумент Дед. – Откуда до власти рукой подать. Хотя Калину угробили в городской зоне.

– Я думаю, всё зависит от начальника, – высказал своё мнение Колчак, – у нас в лесу, хозяин не запускал ОМОН, веселится. Знал, что их процедуры над заключёнными к хорошему климату не приведут. Но, как только он ушёл на пенсию, прислали другого начальника, который и подчинённых настроил под стать себе. А им только этого и надо было. У них там династии надзирательские с дореволюционных времён. Вот у себя дома на кухнях, с малых лет они проходили нравы зоны. Для них заключённые это не люди. С приходом нового начальника, они начали зверствовать, но тоже до поры до времени. Прокурора вызвали зэки, после чего они лютость свою ослабили. А тех, кто писал жалобы, потом всех в БУР бросили. Лично меня никогда не били, ни конвой, ни надзиратели.

– Всё равно жизнь дрянь, – не успокаивался Иван Романович. – Наш двор вырос после войны при Сталине, за один год. Сегодня в России растут только тюрьмы, церкви, кладбища и дворцы разрушителей нашей бедной России. В нашем дворе когда – то в каждой семье были спортсмены. А сейчас в кого ни кинь палку, обязательно в тюремщика попадёшь. В шестидесятых годах мы с моим другом Кадыком попали на скамью подсудимых, так это была сенсация, не только во дворе, но и в городе. И освободился я, ко мне на заводе подошли, с доверием и добротой. В бригаду хорошую зачислили. А бригады раньше дружные были, друг за друга горой. В те времена слово бригада носила определённый смысл, – это в первую очередь дружеское чувство локтя, не то что сейчас боится, каждый, как бы его не подсадили на рабочем месте. Вот такая жизнь племяши у нас была. А сейчас нужного внимания ни кому не уделяют. Ни освободившимся из заключения, ни отслужившим в армии и даже выпускникам вузов зачастую указывают на дверь. Я согласен сменился строй, но не надо поганить историю. Скажите партии спасибо и продолжайте править, но не хищническим путём и без коварных экспериментов на народе.

После этого на кухне наступила тишина, но как оказалась ненадолго. Вовка Колчак решил ещё подогреть Деда новой темой:

– Дед тебе пить нельзя, ты сразу около себя образуешь партийную ячейку, – сказал он Ивану Романовичу. – Ты одного не поймёшь, что народ стал жить свободней! А свобода подразумевает счастье!

– Чем же он свободней стал? – привстал со стула Дед. – В том, что хочешь, трудись, – хочешь, бичуй? Я по молодости тоже завидовал американцам, когда нам показывали безработных янки и в газетах и по телевизору. Они протестовали против безработицы в такой одежде, которую мы только по праздникам одевали. И я тогда думал, вот люди, как классно живут, одеты, обуты, с сытыми рожками на демонстрацию пришли. Отдыхали – бы. Это я так думал, когда мне после длительного отдыха на работу не хотелось идти. И я сейчас понимаю, что указ – «хочешь не работай», был подготовлен правительством не ради нашей свободы, а они знали наперёд, что с приватизацией пойдёт крупномасштабное сокращение штатов на производствах. Я вот год назад был на охоте в Орлах, так там наше новое руководство завода построило себе охотничий домик, который больше похож на феодальный замок. Ни один из них настоящим охотником не является. Так просто подражают моде снобов. Все они до одного ни одной акцией

завода не владеют, а являются верными псами хозяев, и больше половины из них были раньше ярыми коммунистами. Увидав меня, с охотничьим трофеем, они пригласили меня к своим шашлыкам с водкой. А когда нахрюкались, как свиньи – повели разговор о заработной плате рабочих. Решали, стоит им повышать заработную плату или нет. Один из них сказал:

«Рабочим нужно платить, так, чтобы они ноги не протянули, но и не допускать, чтобы низкая заработная плата была поводом для забастовок. В данный момент говорит, – повышение оплаты труда для рабов с нашей стороны будет непозволительным расточительством»

– Это он сука позорная при мне такое заявил. Этот пидор миллионы огребает за счёт рабочего класса, и боится, как бы его трудящиеся не объели. Скоты одним словом. Им придётся вспомнить историю СССР ещё не раз. Они, – эти профурсетки наступят на те – же грабли. Ругают коммунистов, что карьеру при их строе можно было сделать, только находясь в партии. А они сейчас, что творят, если не состоишь в партии власти, тебе не только должность хорошую не дадут, но и вообще с работы турнут. Славке Фомину по этой причине, в театре роль генерала – губернатора не дали играть. Сейчас сидит без работы на материной шее и оформляет себе третью группу инвалидности. Волки они все актированные, но появятся скоро на Руси сильные волкодавы, в обличье Котовского, Стеньки Разина и Емельяна Пугачёва.

– Дед, ну прекрати, чего ты разошёлся, как на митинге, – одёрнул его Серый, – ведь живём мы не плохо.

– Пускай выскажется, – вступился за Ивана Романовича Колчак, – он дельные вещи говорит. Не забывай он человек той эпохи, и прощаться ему трудно с ней, тем более смиритесь с его нищей пенсией.

– Молодец Вовка, хоть ты меня понимаешь, – обрадовался он поддержке Колчака, – а почему? – Потому, что ты рабочий класс, а Сергей, ни дня на производстве не проработал. Только и знает, отправлять вагоны с досками в Польшу, да на Украину.

– Я тебя Ванюша тоже понимаю и поддерживаю, – подала голос притихшая Ирина.

– Ещё бы ты меня не поддерживала, у тебя пенсия на семьсот рублей меньше, чем у меня. А за коммунальные услуги мы платим с тобой одинаково. Ты сейчас живёшь за счёт своего урожая в саду. А когда тебя покинут силы, что трудится там, не под силу будет, тогда твои вставные челюсти без работы будут у тебя в стакане лежать, так, как кушать тебе будет нечего. И за свою сталинскую трёхкомнатную квартиру ты задолжаешь государству крупную сумму денег, и затем выкинут тебя в семейное общежитие без удобств, – где общий туалет с фанерными перегородками в которых просверлены дыры в палец. Или ещё хуже – наедут бандиты, подпишешь им бумаги, а они после этого закатают тебя в асфальт или в трясину скинут.

– Ваня ты чего меня пугаешь, я сейчас трястись и колотится об стол, от страха начну, – возмутилась Ирина. – Ты что забыл, сколько раз я вас с моим Лёнкой, выручала из неприятных ситуаций. Ты забыл, как я на пляже, за тебя блатному Факу, ножик воткнула в задницу.

Оба брата слушали изумленно распалившуюся от возмущения Ирину.

– Тетя Ира ну – ка расскажи, что это за история с поножовщиной была, ни дед, ни ты никогда об этом не рассказывали, – попросил Вовка.

– Это дело было давно, твой дед, закончил играть в футбол. Менялось молодое поколение, которое деда не знало. Мы отдыхали на пляже, вместе с бабушкой Мананой. Ну конечно тогда нельзя её было назвать бабушка. У нас там спор произошёл на лодочной станции за очередь на прокат лодки. В то время ходил по городу один блатной, отсидел несколько лет. Весь исколотый, собрал вокруг себя подобных ему ребят. И лазили, хулиганил по городу. А на пляже он хотел лодку без очереди заполучить. Дед ваш его тогда оттолкнул, а он весло поднял и сзади на деда, а я тогда огурец чистила перочинным ножом. Увидала такое дело и как пантера бросилась на этого Фака. Ножик ему в жопу, как в масло вошёл. Фак, упал, а дружки его опешили от неожиданности. Подняли его, тут же засунули в плавки ему полотенце. Тут народ сбегался, парней этих оттеснили. Один из них крикнул, мне пошлую угрозу. А я смело подошла к нему.

И спрашиваю: «Сынок, тебя, как хоть кличут? – чтобы я знала, кто надо мной насилие будет творить».

А он мне отвечает: «Тебе моя кличка не нужна. Мы тебя всем аулом протянем и во все дырки».

Тут дед ваш подбежал ко мне на помощь, бросил им пару резких слов от чего они заколебались. А этот Фак, говорит деду:

«Мужик мы кажется с тобой одной масти, давай карты вскроем, чтобы глупостей дальше не наделать».

Тогда Дед берёт его двумя пальцами за ноздри и говорит: «Если ещё раз меня мужиком назовёшь, я тебе вдобавок и сопла повыдираю».

Тот блатной и сник сразу. И после этого слова никто не сказал. Мы тогда в лодку сели и уехали на другую сторону реки загорать. Там мы всегда загорали. Дед ваш стеснялся наколок и на пляже при всех никогда рубашку не снимал. Если бы те хулиганы увидели его роспись в тот день на лодочной станции, никакого бы инцидента не было. Они её увидели, но позже. Приехали к нам на лодке, с выпивкой и извинениями. А когда увидели деда в звёздах и Витязя в тигровой шкуре на спине, они вообще дар речи потеряли. Стаканов тогда не хватило на всех, так этот Фак пил из моей туфли водку. Узнав при разговоре, с какого мы двора, извинились напоследок, сели в лодку и погребли к пляжу. Этого Фака я сейчас часто вижу. Хламом разным торгует на рынке, от ржавых гвоздей до гаек и болтов. Спился совсем. Меня узнаёт, здоровается всегда.

Иван Романович приятно заулыбался:

– Помню я хорошо те времена, но не надо было тебе ножом ему мясное филе портить. Нужно было схватить его за руки, а остальное, я бы сам закончил.

– А если бы я не успела, ходил бы ты как мой покойный Лёня, головой тряс и вливал в себя ежедневно иноземные капли.

– Оказывается ты бабуля, была решительная, – сказал ей Вовка Колчак.

– Тогда я была не бабуля, а красивая дама, и на меня все мужики засматривались, впрочем, как и сейчас. Только Дед ваш зазнался, не хочет башкирскую мулатку. Подавай ему дочь Оманского султана.

– А чего ты Дед сопротивляешься. Выгодный контракт. – Есть, кому борщ сварить, и у неё квартира имеется, которую можно сдать квартирантам, а на вырученные бабки, за наём хаты можно жить. Так многие сейчас поступают, особенно пенсионеры, – вразумлял деда Вовка.

Колчак оценивающе посмотрел на Ирину и добавил:

– И вообще я тебе дед скажу, тётя Ира бабка ещё клеевая, на дискотеку тебе с ней ходить, конечно, не придётся. А вот званые вечера с фуршетом запросто можно посещать.

...Ирина от таких слов одарила Колчака одобрительной улыбкой и захлопала в ладоши. Серый мгновенно поддержал Ирину, захлопав в ладоши ещё сильнее.

Дед сделал вид, что не заметил аплодисментов, но свой весь взор обратил на Вовку:

– Ты Володя ещё молодой и многого не понимаешь в семейной жизни. Попробую популярно объяснить тебе простую житейскую формулу, которую я вывел сам, опираясь на ряд фактов, что произошли совсем недавно в нашем дворе. Я с виду интеллигентен, оно может отчасти так и есть, но внутри я до сих пор остался блатным. По знаку зодиака я Водолей. Теперь вспомните, как у нашего дворового Старика и его блатной Графини, жизнь сложилась? Не помните? – Я напому! – У Миколы Устина и Тачанки терпения на совместную жизнь хватило всего на два месяца. А почему это так произошло? Объясняю! Все они судимы и не по одному разу. Блататы у них и займы можно любому брать. Так вот и вы нас с Ириной толкаете на этот путь. А ведь мы с ней давнишние друзья! Зачем нам этот путь? Я боюсь, что по этой причине и у нас может рухнуть брачный союз, и тогда мы будем с ней первые враги. После чего мне всегда надо будет остерегаться ходить под её окнами, иначе однажды в один

из подходящих дней, она скинет на мою голову самый тяжёлый из своих горшков с цветами или пятилитровую кастрюлю с горячим борщом.

– А причём здесь тётя Ира? – она – же, не Графиня и не Тачанка, – спросил Колчак. – Конечно, нет, – согласился с ним Иван Романович, – в молодости она была Ирка Крынка. И в своё время она бомбила лохов на вокзалах, так, что только перья летели, за что и отдыхала два года у хозяина. И к тому же она по знаку зодиака Лев. А Водолей со Львом в одной берлоге вряд ли уживутся.

– Ничего себе, – присвистнул от удивления Вовка. – Да ты тётя Ира совсем своя в доску бабуля. Дед тебе её надо безо всякого, срочно вести под венец, и плюнуть на астрологические прогнозы. Астрологи изобрели эту науку специально для суеверных людей, и романтических дам, а не для нас с тобой.

– Молодец Вовка! – взвизгнула радостно Ирина, и добродушно посмотрев на Ивана Романовича, добавила:

– А ты бессовестный Радикулит нашёл, что детям сказать. Им совсем не обязательно было знать мою автобиографию.

– Ты Ирина не обижайся только на меня, – извиняющим тоном произнёс Дед. – Ты – же знаешь, они мои родственники. И если мы с тобой сойдёмся, то всё равно они рано или поздно узнали об этом от Клавдии.

– Так ты согласен чёрт старый? Чего тогда выпендриваешься? Сразу бы сказал, Ирка бери с собой ночную рубашку и приходи ко мне жить.

– Одной рубашкой ты не отделаешься, захвати с собой свои горшки с цветами, – предупредил её Иван Романович.

– Я прямо сейчас побегу, – встала она с места.

– погоди больно ты быстрая, – остановил её Дед.

– Беги, беги тётя Ира, пока он не передумал, – подхлестнул её Колчак.

– Ну, племянники, вы даёте! За какой – то час меня сосватали, а что я дочкам скажу?

– Эту миссию предоставь мне, – сказала Ирина и вылетела пулей из квартиры.

– Дед ты не переживай и не стесняйся своего мужественного поступка, веско заявил Сергей. – Он тебе жизнь облегчит и продлит. Я, к примеру, о тётё Ире всё знал ещё после своей первой судимости. Так что будь спокоен. Мы с Вовкой тоже за тебя и тётю Иру. Она бабка аккуратная и деловая и к тому же до сих пор красивая! Тебе лучшего не надо искать, – убедительно изрёк Серый, – А маму нашу мы с Вовкой обработаем. А дочери твои только рады будут за тебя. Я в этом уверен. Они любили тётю Иру.

– Всё я понимаю, я такой вариант уже просчитывал, я только тушевался потому, что сложно после моей жены привыкать к чужой женщине. Да и от женского общества я как то быстро отвык. А Ирка она и так считай родня мне. Постоянно ходит ко мне, заботы всяческие проявляет.

Софья с Катериной я знаю, возникать не будут, что Ирина ко мне переберётся жить. Они мне несколько раз звонили, что на брак с тётёй Ирой охотно согласятся.

– Какая им разница с кем ты будешь жить, ты не их судьбу устраиваешь, а свою, – отрезал Колчак.

– Это верно, – согласился с ним Иван Романович, – свадьба, так свадьба, – решительно произнёс он.

Он задумался на миг, затем показал пальцем на стол:

– Тогда давайте мы сейчас с Вовкой дойдём до роддома Надю навестим, а ты Сергей с Ирой займётесь новой сервировкой стола. Мы купим торт и цветы. Свадьбы без этого не бывает.

– А зачем вам пешком идти, – остановил их Серый, – сейчас наберу Зауру – Зурите по телефону, и он вас на машине быстро доставит.

– Правильно, и позвони ещё матери. Скажи, что у брата свадьба сегодня. Наберите ей, чтобы с автобуса к нам бежала. Она уже в пути, наверное?

Заур ждал их уже в машине. Они успели в этот день многое. Навестили Надежду в род-доме, заехали в кондитерский цех ресторана, где работала Полина, чтобы купить там свадеб-ный торт. Иван Романович решил сыграть скромную свадьбу в кругу своей близкой родни. Ирина сидела довольная, как невеста. Её лицо покрылось лёгким румянцем, который её делал очаровательной и помолодевшей. Она была похожа на молодую невесту. Не думала она ещё утром, что её многолетнее желание, так быстро исполнится в один день при помощи племян-ников Ивана. Она давно мечтала о брачном союзе с Иваном Бедой, и вот этот день настал. Пускай с запозданием и без печати в паспорте, но эту формальность можно оформить в любой будний день. Иван Романович протиснулся к своему месту и попросил слова:

– Я вот, что вам хочу сказать мои самые родные и близкие люди. Я очень рад, что вы наш союз с Ириной одобрили. Ведь на протяжении сорока лет мы с ней были близко дружны. К тому же она считайте мне, как родственница. Всё – таки кума. Но сегодня племянники, которых я считаю за своих внуков, решили этот союз модернизировать, и сделать его более тесным и крепким., как монолит. За что я им премного благодарен. Но теперь очередь за моим старшим потомком Сергеем.

Он внимательно посмотрел на племянника и упрекнул того:

– Сергей не успеешь оглянуться, как пенсия подойдёт. Тебе уже сорок пять. Иван Рома-нович прервался и посмотрел на Вовку с Полиной и быстро перевёл взгляд в сторону Серого.

– Как – то не по ранжиру семейные судьбы создают два брата. Пора, Сергей подумать тебе о семейном счастье, не заметишь, как подойдёшь к полувековому рубежу, а семья к про-должению рода не заложено.

– За мной дело не встанет, скоро и я вас обрадую всех, – объявил Сергей.

– Что девушку хорошую нашёл? – спросила его мать.

– Замечательную и прекрасную, как орхидея! Вы в этом скоро убедитесь.

– А почему ты нам её никогда не покажешь?

– Скоро вы все её увидите в обличье девы Марии и немного поправившую в передней части тела.

– Ты хочешь сказать непорочно зачатая, как дева Мария? – спросил Дед.

– Вы так хотите лишить себя окончательного сюрприза, ну тогда воспринимайте полу-фабрикат его, – проговорил Сергей, – короче у меня есть девушка и зовут её Мария Ванда Кальвасинская, она живёт в Польше в городе Гданьске. У всех полячек в документах записы-ваются двойные имена. Работает в порту диспетчером. Родители у неё нефтяники из рабочих. Через пару недель окончательно будет разрешена процедура оформления документов, и я, её привезу сюда.

– Ничего себе, вот это ты Серёга дал, теперь в нашем роду и католики появятся. – Уди-вился Дед, а за ним и все остальные родственники начали забрасывать свои вопросы.

– А как – же языковой барьер? – раздались вопрошающие возгласы со всех сторон.

– Успокойтесь, к вере она никакого отношения не имеет, так как считает себя атеисткой. А мама у неё украинка родом с Карпат и русский язык она знает не хуже нас с вами.

– А ей у нас понравится жить? – ты же её в село повезёшь, – спросила обескураженная мать.

– Мам ты, о чём говоришь? – Наше село сравни испанской Ибицы и находится в семи километрах от города. Пять минут езды до цивилизации, на моей машине. Она наш город знает, была на экскурсии на туристическом теплоходе по Волге. И Нижний Новгород ей очень понравился, а про свою Вислу она сказала, что это лужа по сравнению с Волгой. Так, что Дед твой медовый месяц не успеет, ещё закончится, с тётей Ирой, как начнётся медовая пора у меня с Марией, – пообещал Сергей.

– И когда ты думаешь за ней ехать? – спросил у него Колчак.

– Совсем скоро, наверное, на днях.

– А завод свой на кого оставишь.

– Завод это громко сказано, больше ему подходит лесоперерабатывающий пункт. У меня там трудится всего двадцать пять человек. А оставляю, я его, когда отсутствую в последнее время на надёжного мужичка. Он у меня приبلудный – зимой прибился. Возможно даже в розыске, просится со мной в Польшу нелегалом проехать, – говорит, у него там связи стоящие есть по коммерции леса. Ловкий и сообразительный мужик. Я бы его взял, но мне он в Польше не нужен. У меня он и за управляющего, так и за сторожа работает. Живёт в сторожке, спиртное не употребляет. И главное хороший исполнитель, во всех делах. Я пытался, как – то его вызвать на разговор насчёт его прошлого, но наткнулся на стену молчания. По замашкам если судить, смахивает на блатного.

– Смотри не ошибись, менты себя ведут так – же, как и блатные. Может, подослали к тебе налоговики дятла или другие компетентные органы своего казачка, – предупредил старшего брата младший брат.

– На моём производстве нарушений не имеется. Я работаю по закону. И в бухгалтерии у меня полный ажур, пускай копают, сколько хотят. А платить ментам и другим структурам я не намерен. Ты лучше соберись ко мне, в ближайшие дни и посмотришь, как я живу, и заводик тебе свой покажу. Грибы уже и ягоды пошли, – рыбы половим. Правда в нашем озере, кроме карасей и головешек ничего не водится, но ради спортивного интереса удочку покидать можно. А то ты, как женился, так и в семейный быт втянулся и ко мне ни разу не приехал. Посмотришь, как я развернулся в Осинках. И Беста Деда заодно погладишь. Такой преданный пёс.

– Да уж, – подал голос Дед, – мой пёс не только красавец, он ещё аристократ!

– Приеду, с Марekom в ближайший выходной на его машине, – пообещал Колчак.

Любви обильный

Вовка с Полиной вышли от Деда, с маленьким Кириллом на руках. В кармане джинсов лежал подарок его двоюродного деда, который он думал возвратить ему на старость. Но Дед отнёрг эту идею. Сказал, что не в его правилах принимать свои подарки назад. Сейчас этот тяжёлый брегет плотно прижимался к его ляжке. Он вспомнил ещё про марки, запечатанные в банке с кофе, которые ему оставила Лара, и решил не откладывать, а превращать все эти редкие и ценные вещи в деньги.

Вовка понимал, что все эти подарки стоят немалых денег. И в этот раз он, не колеблясь, точно решил свою жилищную проблему. В ушах у него до сих пор стоял голос Надежды, когда она сегодня выкрикнула им с Иваном Романовичем из роддома второго этажа, что дочка похожа на весь наш род.

«Наверное, Дед, до этого догадывался о наших с ней отношениях. Он Дед мудрый! Когда она ухаживала зимой в палате за мной перед Новым годом, тогда с ним единственным из родни Надежда и советовалась. Он ей в больнице сказал: – Ничего с твоим Вовкой не будет, такие люди в огне не горят и в воде не тонут. Его могущественные боги оберегают.

... Через два дня Ирина приготовила в роддоме большой букет цветов, шампанское и конфеты. Заур погрузил всё это в машину. Надежду забирал Иван Романович. Вовка сидел, как мышь в машине. Они вышли из дверей роддома, Иван Романович держал в руках дочку, а Надежда несла в руках букет цветов, прикрывая им своё лицо.

Вовка вышел из салона, когда они приблизились к машине. Он рукой отстранил букет от лица Надежды и неловко поцеловал её в щёку, от чего её лицо зарделось краской.

– Мог бы и сам дочку встретить на выходе, а не посылать деда Ивана, – тихо бросила она ему.

– Я хотел, но там смена была та же самая, которая выписывала недавно Полину, – оправдывался Вовка, – подумают ещё, что я многожёнец.

– Какие ты глупости Владимир говоришь, – улыбнулся Иван Романович, – объяснил бы им, что сестру с племянницей встречаешь вот и все дела. Ты посмотри она копия наш род. И на Серёгу сильно смахивает, и на тебя. Проснётся, посмотрим, чьи у неё глазки.

– Глаза у неё, как у Володи, – сказала Надежда, – хорошо спокойная родилась, глотку не драла сильно, как другие дети.

– Надя сейчас едем к нам в деревню. Поживёшь пока у нас первое время. Там ты отдохнёшь. А домой тебя сейчас привези. Родня и соседи покоя не дадут. Конечно, самые близкие родственники уже ждут нас в Осинках, надо же отпраздновать такое великое событие!

– Я не против деревни, но только до понедельника. Мне нужно быть потом с моей маленькой Ларой у участкового педиатра.

– Нашей Надя Ларой, – поправил её Иван Романович, – будем воспитывать её все.

– Спасибо Иван Романович вам всем огромное за заботу и внимание, – прослезилась Надежда.

– А вот влагу разводить не надо, иначе молоко пропадёт, – сказал Иван Романович.

В Осинках дом Деда стоял рядом с богатым теремом. Вовка уже знал, что блистающий своей неопикуемой архитектурой дом Сергея. При его последнем посещении вместо терема стоял сруб.

«Знать ударно поработали строители, если за такой короткий срок из сруба дворец возвели» – подумал Колчак.

Около дома их встречали родственники, где с детской коляской стояла и Полина и мать. Вовка знал, что они на такси приехали сюда с раннего утра, чтобы помочь Ирине собрать праздничный стол и подготовить комнату для Нади и её малютке.

Надежду с дочкой повели не в дом Деда, а в терем Сергея на второй этаж. В отведённую комнату для Нади, девочку положили на кровать. Надежда развернула конверт, все сгрудились около новорождённой. Всех пристальней девочку разглядывал Вовка Колчин. На него смотрели маленькие голубые пуговики.

– Я сказал, что на Серёгу и Вовку похожа, – сказал Иван Романович и ещё раз пристально взглянув, добавил, – разве что и кусочек Захара улавливается в личике.

– А у меня, чьи глаза? – спросила Надя.

– Копия Захара, и у тебя и дочери, – подтвердила Ирина, и закачала головой. – Надо же, как в жизни бывает, сколько лет прожили вместе и не знали, что такая ягодка расцвела в нашем роду.

– Не говори Ирин, разве бы мы позволили её тогда отдать в детский дом, – сказал Дед.

– Я там всего немного была, и забыла про него давно, – ответила Надежда. – Но хочу вам всем сказать огромное спасибо за всё и хочу выразить свою радость, что я стала родственницей такого знаменитого и чудесного семейства!

После чего Ирина всех выпроводила из комнаты, предоставив возможность покормить Надежде дочку.

Все прошли в соседний дом к Деду. Один Вовка Колчак остался стоять под дверью. Он заглянул в комнату, когда утихли голоса уходящих родственников.

Надежда сидела с обнажённой и налившей от молока грудью на кровати и кормила малютку. Вовка подошёл ближе к ним и припал на колени, вглядываясь в лицо девочки.

– Правда, она хорошенькая? – спросила Надя.

– Она прелесть, я боялся, какихнибудь нарушений. Всё же мы с тобой одной крови.

– Она здоровенькой родилась, как и вторая твоя дочка по имени Берта, – дитя немецкого происхождения, – выпалила неожиданно Надежда, укоризненно смотря на Вовку.

– Как и Лара родила? – взволновано спросил Колчак, – откуда ты знаешь?

– Она мне на мобильный телефон в роддом звонила вчера. А родила она три дня назад голубоглазую и тоже здоровенькую Берту. Так, что с многожёнством вас адмирал Колчак!

– Что я натворил дурак, – начал себя корить Вовка.

– Чувства надо было свои укрощать вовремя. Ты только на словах разумный, а по женской части ты слабоват оказался. То же мне шейх арабский нашёлся!

Вовка насупился:

– Ты, что меня обвиняешь в чём то? Мы с тобой вместе тонули в любовных грёзах!

– Все твои отговорки малоубедительны. У меня к тебе были искренние чувства, а ты блажь свою гнал и мне и Ларе. Вот теперь и хватайся за голову. Только прошу тебя давай договоримся на будущее, что наша дочка будет самой сокровенной тайной. Я не хочу потерять родственников, которых приобрела. Они все так милы со мной. И с твоей Полиной отныне мы будем, как сёстры. Ты понимаешь, о чём я говорю?

– Я хорошо понимаю, и давно всё обдумал.

– Тогда иди к родне, не вызывай у них никаких подозрений.

– А ты, тебя же надо проводить к столу. Хотя я сам не найду стола, я первый раз в этом доме.

– Тем более иди на разведку, а за мной позже придёшь, или тётю Иру пришлешь.

Вовка покинул Надежду с угрызением совести, понимая, что своей любвеобильностью придал головную боль, не только себе, но и своим любимым женщинам.

Вещь вероятно дорогая

На следующий день Колчак поехал в Алмаз к Арону Гринбергу.

– Появился? – сказал он вместо приветствия. – Я тебя раньше ждал. Давай свои шедевры?

Вовка выложил ему марки. Рассмотрев их внимательно в лупу, он довольный спрятал их себе в сейф и дал Колчаку за них тугую пачку.

– Тут тридцать штук зеленью, – это приемлемая цена. Если, что ещё стоящее появится, привози, я посмотрю. Золото тоже можешь везти, всегда приму. Смотри, я тебе верю. Лара сказала мне, что тебе можно верить. Ты язык на замке держишь.

– Правильно она тебе сказала. За это можешь не бояться, – ответил ему Вовка, окрылённый неожиданно свалившей на него удачей.

В это время одно его полушарие мысленно боготворило прекрасную Лару, а второе полушарие подсчитывало, какое он себе жильё и автомобиль может приобрести на эти деньги. Дома он спрятал деньги в книжный шкаф, зная, что в последнее время, кроме него книг в доме никто не читает. Затем он стал выискивать объявления по продаже жилья. Ему был нужен частный сектор, чтобы можно было построить гараж. Но все варианты отпадали, то цена на дом была велика, то не нравился дом. Про доллары он Полине и словом не обмолвился, так же про брегет стойко молчал. Хотел её порадовать, когда полностью осуществит свою мечту. И он, поняв, что вырученных денег мало для исполнения своего желания, решил продать и золотой брегет. Но до этого всё – таки решил поделиться своими мыслями с Полиной.

«Надо вечером обрадовать её, – мысленно подумал он, – покажу ей доллары и часы».

Когда вечером они уложили в кроватку маленького Кирилла, Вовка извлёк из кармана за золотую цепь массивный блестящий брегет и стал раскачивать его перед лицом Полины.

– Что это? – спросила она с любопытством.

– Не видишь золотой раритет. Мне его на Новый год подарил Иван Романович.

– Красивый! – загорелись глаза у Полины.

– Сказал, что он принадлежал много лет нашему роду, и у него они хранились больше сорока лет, – пояснил Колчак.

– Эта вещь вероятно очень дорогая! – взяв в руки часы, восхищалась Полина.

– Я тоже так думаю. Надо специалиста найти и приценится. У меня есть один еврей в ювелирном магазине.

– Он тебе его как лом оценит, – сказала Полина.

– Нет, Арон коллекционер и цену старине знает.

И Вовка тут же вытащил из книжного шкафа толстую пачку долларов.

– Вот эти деньги я получил сегодня у него, за одну маленькую вещичку.

Полина стояла, как вкопанная смотря на крупную сумму американских долларов.

– Не бойся они чистые, – успокоил её Вовка, – здесь тридцать тысяч. Так, что дом и машина у нас я думаю, скоро будет, но надо продать и этот брегет. Почин сделан, – похлопал он пачкой долларов по спинке стула.

– Неужели и нам счастье привалило! – уже радостно сказала Полина.

– Похоже, что да, – ответил Вовка. – Я бы давно себе машину взял, но за мной волочится хвост по фамилии Ланин, который думает, что я у него угнал мотоцикл. Он ходит за мной по пятам и вынюхивает. Порт весь облазил, и людей там нанял, чтобы следили за каждым моим шагом. Купи я сейчас машину, у него сразу возникнет подозрение, откуда деньги, а мотоцикл у него был, дороже некоторых машин.

– А ты, что действительно не знаешь про этот мотоцикл?

– Знаю, но совсем немного. Мне известно, что он был у него и в прошлую осень Ланин простился с ним. Он со мной не раз уже беседовал на эту тему. И Надежду просил, чтобы

она со мной переговорила. А искать я его не собираюсь. Мне это не нужно. Нам нужно будет хорошо продать этот берег, но спешить пока не будем. Мало ли что может быть? Знаешь, как в наше время заболел, а денег на операцию нет. Дед наш конечно крепкий мужчина, разве, что спина его достаёт. Не дай бог, конечно, но будем думать, что это проходящее? – задумчиво добавил Колчак. – Ведь у него вторая счастливая жизнь началась с тётей Ирой.

Полина задумалась и улыбнулась:

– Мне кажется, Иван Романович вечен! Ты заметил, как он вчера ухаживал за тётей Ирой? Прямо лебеди!

– Я думаю, это все заметили, – сказал Колчак. – А как тебе понравилось у них в Осинках? – спросил он у Полины.

– Прекрасно! Природа высшая, хоть и село, но жить там лучше, чем в городе.

– Вот в это прекрасное житьё меня зовёт Серёга.

– А ты, что думаешь?

– Я думаю, нам без мамы будет там тяжело и мне нужно институт обязательно окончить. А потом уж будем осуществлять свои думы.

– Зачем он тебе нужен при твоём прошлом, всё равно тебя с судимостью на педагогическую работу не оформят.

– Не важно, но высшее образование нужно! И ты зря думаешь, что я не устроюсь по своему профилю на работу. Меня уже сейчас могли бы взять на производство, хоть инструктором, хоть тренером. На заводе нет такой унижительной чопорности, как у бюджетников.

Гоша

В ближайшие дни Колчак из – за своей занятости так и не попал, ни к Деду, ни к брату. Много было работы с монтажом нового портального крана. Обычно столько работы выпадало, когда. Волгу затягивало льдом. Работы в не навигационный ремонтный период было под завязку. Вовка мечтал это лето позагорать на берегу вместо работы, но не получилось. Времени свободного почти не было. Сидеть не приходилось. Мало того Ланин подсылал к нему на работу ППС

Сыромятников. Этот мужик сидел с ним в КПЗ и ехал в столыпинском вагоне. Визит Гоши удивил Колчака, так – как адреса своего он никому не давал. Гоша стоял в добротном костюме, а вот на ногах были надеты обыкновенные шлёпанцы. Колчак сразу нашёл его одежде определение, «в короне, но без трусов».

– Ты, как меня нашёл? – спросил он у гостя.

– Нужда заставит, кого хочешь, найдёшь, – ответил он. – Я помню ещё в КПЗ, ты рассказывал, где живёшь. И знаю, что ты с Лукой в одном доме раньше жил. Тебя тут все знают. Так, что найти Колчака, мне не стоило ни каких трудов.

– Луки уже в живых нет. Перед Новым годом его завалили на берегу. Фура его заказал. Но сам следом ушёл из жизни, – примерно таким – же путём.

– Я знаю эти новости. Земля слухами полнится, – прохрипел Гоша.

– Если ты меня так упорно искал, значит, причина есть? – вопросительно смотрел на гостя Вовка.

– Обули меня вчера на Нобеле. Клифт дорогой замшевый, туфли новые сняли, золотую печатку с пальца вывернули, и кошелек кожаный с четырьмя тысячами увели. Мне посоветовали, к тебе обратится. Сказали, что тебя здесь каждая собака знает.

– А кто обул, не знаешь?

– Я сидел в кафе «Бакен» вчера вечером. Был тяжёленький уже. Рядом со мной отдыхали два мужчины моих лет в кругу молодёжи. Предполагаю, что из этой компании меня обули. Когда я выходил, трое с их стола увязались за мной. Не доходя до остановки сшибли с ног и сделали гоп – стоп. Не ошибусь если скажу, что они местные, с тех краёв. Официантка с ними по-свойски разговаривала, называя всех по именам.

– Тогда найдём, – обнадёжил его Вовка, – ты на машине? – спросил он.

– Частника своего нанял.

– Уже лучше. Я сейчас друга своего дёрну, оденусь и поедем.

Колчак позвонил Мареку, затем быстро оделся и они втроём поехали в кафе «Бакен».

Завсегдатаев кафе они сразу вычислили. Это были местные авторитеты Чита и Крон.

Колчак с Марексом внушительно переговорили с ними, сказав тем, что бы их шпана, вернула всё похищенное через час в кафе «Встреча».

Чита клялся и божился, что он ни при делах, но похищенные вещи Гоши обязательно отыщут.

Колчак с Марексом сели в машину и показали им через стекло на часы. Чита и Крон до смерти были перепуганы появлением ребят с вокзала.

– Какие дела? – спросил Гоша.

– Будем надеяться, что через час, тебе всё вернут назад, – оптимистически заявил Колчак.

– Видишь Гоша, я тебе сказал, что всё найдётся, – обрадовался таксист.

– Сейчас едем в кафе «Встреча», туда они должны всё подвезти, – сказал Марек.

Около вокзала Гоша попросил подождать своего друга таксиста, а они пошли в кафе.

В дверях Колчак столкнулся с Ланиным, который тоже направлялся в кафе.

Ланин вначале окинул беглым взглядом лицо Гоши и, замешкавшись, суетливо протянул ему руку для приветствия, а потом Колчаку. Но тот сделал вид, что не понял его жеста, засунув руку в карман джинсов чем, ни сколько не смутил Ланина

– Колчин, можно тебя на минуточку? – сказал Ланин.

– Можно, – посмотрел на часы Колчак.

Они отошли от дверей и встали около газетного киоска.

– Помоги Владимир найти мой мотоцикл? – начал он упрашивать Колчака. – Я знаю, тебе это раз плюнуть. А я забуду все обиды нанесённые тобой. Я не стал, тебя грузить, когда ты меня в западню загнал на графских развалинах. Я после этого сам сильно пострадал, а к тебе великодушен был. И я, лично несмотря на твои наглые выходки, включился в твои поиски. И надо сказать, не малую роль сыграл в твоём оперативном спасении.

– Ты знаешь Ланин, что я тебе скажу, – посмотрел вновь на часы Колчак. – То, что милиция меня спасла, я не отрицаю. Но ты не забывай, с моих налогов они получают свою зарплату. Они обязаны людей спасать! А с твоим мотоциклом, я сожалею, но помочь не могу, я тебе не сеттер и не бюро находок, так, что искать твой мотоцикл у меня желания никакого нет. Всё минута закончилась, – постучал пальцем по циферблату часов Колчак. – Меня ждёт старший товарищ в кафе.

Колчак дал ему понять, что разговор окончен.

– Зря ты так со мной поступаешь. Не забывай, я всё – таки власть и твои негативные делишки, могу активно раскрутить, а могу и глаза на них закрыть.

Колчак развернулся и вплотную подошёл к Ланину.

– Ты, что не понял, с кем ты здоровался сейчас? – угрожающе спросил его Колчак. – Это же подполковник УСБ, – моментально соврал он. – И если ты на мне зацikliшь, он сделает всё, чтобы ты до пенсии дышал архивной пылью. Это в лучшем случае. Я ему про тебя уже рассказывал и такую перспективу он нарисовал для мента Ланина.

Ланин хотел, что – то возразить, открыв рот. Но так и остался стоять, смотря, как Колчак гордо зашёл в кафе. А сам Ланин, понутив голову не спеша, последовал за ним, где его за столом ждала неизвестная Колчаку компания.

– Это, кто такой? – спросил Гоша, – чего он со мной поздоровался, я его знать не знаю.

– Запарился вот и поздоровался, а кто он такой, тебе Колчак объяснит популярней, – сказал Марек.

– Мент это, – объяснил Колчак, – самый поганый человек в нашем городе, а может и на земле.

– Кажется, я его вспомнил, – вытер он свою вспотевшую лысину салфеткой. И показал из – за стола, свои голые ноги в шлёпанцах.

– Спрячь быстро свои новомодные туфли? – смотря в сторону Ланина, сквозь зубы процедил Колчак. – Я ему сказал, что ты сотрудник УСБ. Правда, без головного убора ты на Джека Потрошителя больше похож.

– Понял, – быстро спрятал Гоша ноги под стол. – Я его узнал теперь хорошо. Это мент – байкер. Он на своём импортном мотоцикле в частном порядке у нас в посёлке ловил всех, кто с полей тащил не убранный урожай. И срубал с них не хилые бабки. Пугал всех тюрьмой. Бабки клал себе в карман ежедневно. Его у нас Полевым Вороном прозвали.

– Уже не байкер. Простился он по прошлой осени со своим мотоциклом, – объяснил Марек.

– А как тебя Гоша в Бакен занесло? – спросил Колчак.

– Назначил один друг мне встречу, хотел познакомить с женщиной свободной, но я прождал, а они так и не появились.

– А, что это за друг?

– Мишка Плясун, он сам на Нобеле живёт, – говорит, бабок бери больше, и выглядеть должен, как английский лорд. Эта женщина предпочтение отдаёт элегантным мужчинам. Я и оделся во всё чужое. У племянников всё на прокат взял, – одни носки, да трусы мои были. А печатку у соседа Бориса позаимствовал. Они мне всё без претензий дали. Как – никак на серьёзное дело пошёл. Счастье своё устраивать.

– Мне этот Мишка Плясун ничего не говорит, кто он такой? – спросил Колчак.

– Его в городе называют ещё великой свахой, он холостым мужикам и бабам за умеренную цену совместную жизнь устраивает. У него база данных имеется на всех одиноких, хотя сам холостой, – дал пояснение Марек.

– Это, что сутенёр? – не понял Колчак.

– Нет дружище, – Миша Плясун зарабатывает конкретно на сводничестве, и видимо у него эта работа приравнивается к золотой жиле. – выдал свою осведомлённость Санька, – у него всё это легально. Я правда с ним не знаком, но о Мише Плясуне наслышан.

– Ты чего, Гоша холостой? – спросил Колчак.

– Я же со своей разошёлся, когда она меня посадила. А сейчас мне женщина нужна красивая и серьёзная для жизни, а не на ночь. С такими женщинами на улицах не знакомятся, с ними знакомят. Вот мне и сказали, чтобы я связался с этим Плясуном.

– А тебе не кажется, что Плясун тебя и общипал, а не ребята с Нобеля? – спросил Колчак. – Надо с этим артистом познакомиться будет на досуге. Ты ему для сватовства фотографию свою давал?

– А как – же, и не одну, – тревожно прохрипел Гоша.

– Короче сейчас дождёмся Читы с Кроном, а там будем решать, я знаю только одно, что эти мужики ребятам с вокзала врать никогда не будут. А насчёт поисков пассии, через посредника, – это дело тухлое Гоша, – спокойно сказал Колчак. – Мужчина не способный найти себе невесту, ждущий, когда ему вагину преподнесут на золотом подносе и, женившись по сомнительному знакомству, счастлив никогда не будет. Может он и будет с ней жить, но свои сексуальные утехы она будет получать стахановским методом на стороне, приделывая своему благоверному мужу ветвистые рога. Если конечно жена у такого мужа не фригидная дура, носившая синие чулки.

– Откуда ты всё это знаешь? – недоверчиво спросил Гоша.

– Общался с умудрёнными жизнью людьми и книг много прочитал, – ответил Колчак. – Ты вот под венец собрался, а работа у тебя есть? Как жену будешь содержать?

– У нас в посёлке бесполезно искать работу, – озабоченно вздохнул Гоша, – но у меня большое хозяйство. Скот, птица, огород. Мать старуха уже не в силах работать по двору. Ей помощница нужна.

– Гоша да с твоей физией в любое охранное предприятие можно сунуться, с ногами и руками возьмут, – дал совет ему Марек. – Банк, какой ни будь охранять, или ювелирный магазин к примеру.

Гоша обиженно посмотрел на Марек и спросил:

– Ты, что шутишь. Я ходил в хозяйственный магазин. Хозяин магазина мне сказал, что моя внешность только клиентуру будет отпугивать. Посоветовал, устроится на КНС оператором – лаборантом, там говорит, специалисты вроде меня нужны. Я спросил, где она находится, и на следующий день утром сел в автобус и поехал в сторону Неклюдова. До, сих пор не могу этого завмага выловить, я бы его отвёз сам лично на эту КНС и окунул туда головой. Он бежит от меня, корявый пень.

– Что работа тяжёлая? – посмотрел на него Колчак.

– Вот и ты за то – же. Ты хоть знаешь, что такое КНС?

– Откровенно говоря, не знаю, но думаю с наукой связано, если предлагают должность оператора – лаборанта.

Гоша бросил в сторону Колчака и Марека обиженную улыбку. Поняв по их выражению лица, что они, на самом деле не знают, что такое КНС.

– Науки там хоть отбавляй, скачивать не успевал бы. КНС – это канализационная насосная станция, которая городское говно перекачивает, – пояснил Гоша. – Всё равно мне попадётся, этот хозяйственник. Я прямо в магазине накормлю его гвоздями.

– Марек с Колчаком не знали, смеяться над рассказом Гоши или успокаивать его неожиданно вспыхнувшее негодование.

– А где этот магазин? – еле сдерживая улыбку, спросил Колчак.

– На Ленина, напротив цветочного магазина.

– Так это – же магазин Арбуза Беркута, – воскликнул Марек. – Этот хозяин родственник Колчака и живёт он в нашем доме, – тыкая Гошу в плечо, дополнил Марек.

Колчак, с трудом сдерживая смех, посмотрел на Гошу, и чтобы окончательно не рассмеяться, закрыв на половину лицо ладонями, сказал:

– Гоша ты на него не обижайся? У нас во дворе все пацаны и мужики с юмором. А вот гвоздями ты бы его никогда не накормил, он сам любого накормит. Тебе я могу пообещать только одно, если ты действительно хочешь устроиться в этот магазин, считай себя уже оформленным. Магазин этот не его, а матери. У неё их несколько. Но кадровые вопросы Арбуз решает. Меня он не зовёт к себе. Зарботки там низкие, а в охрану я никогда не пойду, хотя платят там больше чем продавцам.

Труба

Гоша, услышав приятную информацию, закопал гнев, оставив на своём лице отпечаток улады.

– Ещё – бы вещи с деньгами возвратить, совсем бы хорошо было, – мечтательно произнёс он.

– Я думаю, найдём, – успокоил Вовка Гошу.

К их столику, уставленному бутылками пива, подошла, официант и поставила бутылку коньяка.

– Мы этого не заказывали, – выпучив на неё глаза, сказал Марек.

– Это вам просили передать с соседнего столика, – она кивнула на стол, где сидел Ланин со своей компанией.

Колчак бросил свой взгляд, на тот столик, где Ланин махал ему рукой, и как ему показалось, ехидно улыбался.

Вовка обратил внимание, что в центре их стола лежал ворох купюр, разных достоинств.

– Пижоны липовые, – скривив рот от злости, тихо произнёс он. – Я эти помои пить не буду, – сказал он своему другу, но Марек уже разливал коньяк в фужеры.

– Брось ты Вовка харчами перебирать, не всё – же ментам на наши деньги пить, и мы должны когда – то за их счёт выпить. Это даже очень аппетитно и приятно! Вот попробуй, – подвинул он фужер Колчаку. – Я уверен, – тебе понравится!

– Тогда повернись и мило улыбнись ему, он смотрит на наш столик, – взял в руку Колчак фужер.

Марек поднял фужер, повернулся к Ланину, зверски оскалился и выпил коньяк. Затем поцеловал фужер и нагло улыбнулся Ланину.

– Может бутылку молока ему заказать в благодарность, – съязвил он.

– Не надо грубить, он же не один сидит, – пресёк его Колчак.

Следом выпил коньяк Гоша.

– А ничего, вкусный, – оценил напиток Гоша, – где бы я ещё коньячку испил.

– Ты можешь его пить весь. Тебе его Ланин прислал, когда узнал, что ты подполковник УСБ.

Вскоре появились в зале кафе Чита и Крон, в руках у Крона был целлофановый пакет, в котором лежали все похищенные вещи Гоши. Он протянул пакет Колчаку, а Чита перед ним положил на стол золотую печатку и портмоне.

Гоша в первую очередь открыл кошелёк. Деньги оказались на месте. Гоша довольно хмыкнул.

Компания Ланина вместе с ним наблюдали за этой сценой.

– Присядьте вы, – показал Колчак им на свободные стулья, – не светитесь во весь рост, тут неподалёку менты отдыхают.

Гоша миглом нанизал на палец печатку.

– Теперь я спокоен, – обрадовано сказал он и подозвал официантку, заказав ей две бутылки коньяка и закуски.

– А где вы здесь ментов видите? – обвёл взглядом полупустой зал Крон.

– Вон видишь столик у стойки бара, где бабки, как навозная куча лежат, – не поворачиваясь в ту сторону, сказал Марек.

– Это не менты, я их почти всех знаю. То, что в белом свитере с залысинами, – это Владыка, – авторитет с областного центра. Рядом с ним, в очках Труба, – его правая рука, – он наш, со Стекольного микрорайона, а молодой парень это ветеринар молодой Шах. У него своя частная ветлечебница на племенном заводе.

– А, что – это за Владыка? – Откуда такой авторитет взялся? – я вроде всех авторитетов в Нижнем Новгороде знаю, но о таком не слышал.

– Я сам толком не знаю, слышал, что он пятнашку за убийство врача отмотал. У него команда хорошая. Одни головорезы с битами и топорами орудуют, но заправляет всеми Труба. Они весь город под себя подмяли, двух директоров завода замочили, а на скамью подсудимых посадили вместо себя пушечное мясо. По правде сказать, и говорить про них страшно, – с опаской тихо прошептал Крон, – а четвёртого я не знаю. Репа знакомая, – а кто такой не помню.

– Четвёртый это мент поганый, по кличке, – как Гоша не скажет – Полевой Ворон, – внёс ясность Колчак.

– Не знаю, – замотал головой Крон, – всех больше я Трубу знаю, я с ним на пятой зоне вместе был.

– Давно?

– Шесть лет назад.

– И как он там жил?

– Срок у Трубы всего год был. Показать себя с дипломом финансиста он не успел. Хотя жить там можно было неплохо. Пахан зоны свой в доску был. Труба там мало находился, как и я тоже. Но слушок шёл что он отчёты в бухгалтерии колонии неоднократно помогал подбивать. Мы с ним оба под амнистию попали. И зону покидали вместе.

– Так, чего ты с ним не поздравляешься?

– Мы вместе с Читой пять минут назад с ним в туалете здоровались. Он даже нас к столику своему приглашал, но у меня нет никакого желания входить с ним в тесный контакт. Здравствуй и прощай вот и всё моё общение с ним.

– А на пятёрке, Жору Хлястика ты знал? – допытывался Колчак у Крона.

– Жора Хлястик и был паханом, – раздражённо отозвался Крон. – Что ты меня расспрашиваешь? Думаешь, я не знаю, что он твой родственник. Кроме этого я знаю, что ты тоже сидел после меня на пятёрке. В наших кругах мы все друг о друге знаем, даже пацанята школяра въезжают в биографии авторитетов.

– Вот это и плохо, что они кумиров ищут себе среди отрицательной публики. Не каждому дан талант благовать. Когда начинают все изображать из себя благарей, из нашего общества получается такая гремучая солянка. Смотришь, один беспредельщиком стал, другой со слабым сердцем дятлом заделался, а люди с фатальной начинкой, в жмурпоход отправились навечно. Ладно, не обижайся, давай выпьем? – предложил Колчак, – и вы расскажите, где пропажу нашли.

Гоша в это время незаметно уже переобувался под столом, оставив там свои шлёпки.

Когда они выпили, Колчак пригласил Марку выйти в туалет.

– Слушай Саня, ты сидишь вполоборота, поглядывай за ними иногда. Они хоть и сидят тихо, но мне не нравится, что спину мою нагло прожигают.

– Я это заметил и сам косяки изредка на них бросаю. То, что они тебя фотографируют, это точно. Всех больше любопытства проявляет Труба. Я про него слышал, но вижу в первый раз.

– Да и я краем уха слышал. Если стекольный завод под ним, значит, за этим Трубой и Владыкой стоят плохие, но с мощными рычагами люди. Наверняка они знали Фуру и Боровика. Стёкла, они часто грузили с Лабы. Мне, откровенно говоря, не хочется в это говно лезть, но я не люблю людей блатней себя, которые явно хотят показать свой гонор. Вот теперь я понимаю покойного Луку, почему он в тему порядка в городе хотел вписаться. Он знал много чего, просто не успел мне до конца всё рассказать. Жалко Юры Лба нет, он бы весь город за Луку вверх ногами поставил.

– Теперь то ты понял, о чём мы с тобой говорили, когда ты освободился? – спросил Марк.

– Куда уж ясней, – но я остаюсь при своём мнении. Если наглядно будут при мне наглеть, заполучат скандал. Меня они никогда не посмеют тронуть, даже если их опекает милиция.

– Не только тебя, они всю нашу округу побоятся задеть, несмотря, что у них все бритоголовые качки. А вот этого ветеринара, я не знаю, откуда он взялся.

– Тебе же сказали из племенного завода, – лечебница своя.

– Там вроде крутизны никогда не было, как я помню.

– Саня, что ты наивный какой? – может, он вылечил чью то собаку или кошку, вот и отмечают сегодня. Всё очень просто! Ладно хватит базарить, пошли за стол, – потащил Вовка за рукав Марека.

Когда они вернулись в зал, то увидели за их столом сидит Труба и беседует с Кроном, а Гоша, без аппетита ковырялся вилкой в салате.

– Вы меня извините, что я вторгся в вашу арену? – сказал он Мареку с Колчаком, но при этом взгляд не отводил от Колчака. – Дружков вот старых встретил, не знал, что они знакомы с тобой, – сказал Труба, освобождая место Колчаку.

– Сиди, сиди, – остановил его Колчак за плечо, – по правде сказать, я и тебя не знаю. Вижу в первый раз, – ответил ему Колчак.

– Может, приходилось слышать Валера я, Труба, – он поправил на переносице очки.

– Нет, – коротко отрезал Колчак.

– А Ганса, Жёлудя, Хауса, знаешь? – он беспрерывно кидал взгляды на Гошу.

– Зачем мне кого – то знать. Мой девиз «Пуškai меня все знают!»

– Резонно и, сдаётся мне, что твой девиз неплохо действует. Сам понимаешь, ты меня не знаешь, хотя меня знает братва и в Нижнем Новгороде, а я тебя знаю.

– Удивительного ничего нет, ты за одним столиком сидишь с гребнем пархатым.

– Ты это о Лане, так говоришь? Не подумай он нам никто. У вас я вижу, тоже не простой мужчина сидит, – кивнул он на Гошу. – А Ланин всего на всего попросил у нашего Паренька выторговать ему экзотическую кошечку для охраны дома, а у Паренька их две. Паренёк, – это погоняло, молодого мальчика, что за нашим столиком сидит, – показал на ветеринара Труба. Сделка состоялась, вот Ланя сегодня и банкет по этому поводу устроил. Обмывает свою киску.

– Что то киску он себе дорогую приобрёл? – никак бабок скопил целую мошну.

– Киска эта называется гепардом, и стоит она по цене хорошей иномарки, – прикрывая ладонью, угол рта тихо прошептал Труба.

– Не хило, – заметил Колчак, – буду рад, если эта кошечка в один прекрасный день полакомится мясом Ланина.

Труба безобразно рассмеялся на всё кафе:

– Ты мне нравишься! Мне тоже его не жалко, но он иногда нам оказывает некоторые услуги. Сам понимаешь в наше время не иметь связей в ментуре, значит неправильной коммерцией заниматься нет никакого смысла. Быстро лапти сплетут. А честно работать, себе на просо не заработаешь. Налогами обложат.

– Козе понятно, – согласился с ним Колчак.

– Я о тебе много лестных слов слышал, не от него, а от ребят, которые тебя хорошо знают. Поэтому не сомневайся во мне. Я не подментованный. Со мной сидит за столом мой старший друг из Нижнего Новгорода Владыка, он большой авторитет. Пятнадцать лет зону топтал на северах, и пять лет в Финляндии отсидел.

– Я такого авторитета не знаю, – сказал Колчак.

– Хочешь, я тебя с ним познакомлю, – предложил он ему.

– Давай знакомство отложим до следующего раза. Я не люблю, серьёзным людям представляться в нетрезвом виде, – искусно пытался уйти от ненужного знакомства Колчак, понимая, что от этого знакомства он богаче не станет.

– Резонно, и всё равно ты мне нравишься! – пьяно заявил Труба, – приезжай ко мне в гости на микрорайон. Меня можешь найти в общественных банях. Она называется только общественная, а на самом деле моя личная, огромная изба. Заходи нам есть о чём с тобой потарахтеть.

Кстати, чуть не забыл, как там Жора Хлястик поживает на зоне? Боевой пахан, я тебе скажу.

– О своих родственниках я всё знаю. Он как жил, так и живёт в том же месте. Совсем скоро будет дома.

...Поняв, что пришло время разряжать обстановку и избавляться от назойливости Трубы Марек протянул Вовке пачку сигарет:

– На Колчак закури сигарету. Выкурим по одной и пойдём на улицу. Надоело здесь сидеть, – сказал он.

Труба, поняв намёк Марек, вежливо извинился. Пожал всем руки и пошёл к себе за стол.

– Мы, пожалуй, тоже пойдём, – сказал Крон, привставая со стула.

– Куда вы пойдёте? – остановил их Марек, – вы же главного не сказали.

– Вы когда отлучались, мы всё Гоше объяснили, – выпалил Чита.

– Тогда на дорожку выпейте ещё, – налил он им в фужеры коньяку. Они залпом выпили, поблагодарили всех и покинули кафе.

– Ты Колчак, как в воду смотрел, – сказал Гоша, когда ушли друзья с Нобеля, – Плясун на меня навёл свою свору. Крон с другом его тряханули хорошо на хате. Он мигом всё возвратил.

– Тогда и нам надо визит сегодня нанести ему. Пока колёса за окном стоят, – предложил Колчак.

– Я не возражаю, – поддержал его Марек.

– И я в отказ не пойду, – прохрипел Гоша, – но у нас ещё бутылка одна не выпитая осталась.

– Забирай её с собой, – сказал Марек, – и возьми своему другу таксисту горячего кофе и чебуреков

Машина ждала их около кафе.

– Держи Гена, – протянул Гоша таксисту кофе в разовом стаканчике и завернутые в салфетки чебуреки, – перекуси немного и поедем к Бакену на завершение операции.

– Чего завершать, – сказал он, – я вижу на тебе туфли и печатка на пальце.

– Со свахой надо потолковать, – ответил за него Марек, – а то Труба нам голову забил своей вьедливой общительностью. Толком и с ребятами не поговорили.

– Что и Труба с вами был? – спросил Гена.

– Ты тоже его знаешь? – удивился Гоша.

– Мы таксисты всех знаем и бандитов и ментов и наркоманов. А все менты знают и тех и других. Раньше они совместно сотрудничали. Нас с наркоманом в любом месте могут остановить и снять того из такси. Мы естественно остаёмся в пролёте, так как наркоман с нами не рассчитывался. А милиция брала с них за проезд и откуп за наркотики, – если конечно найдут. А потом отпускали их восвояси. Сейчас мы умнее стали, деньги берём вперёд с них.

– Не боишься, что они при неблагоприятном стечении обстоятельств, эти наркотики тебе под сидение засунут, и при шмоне могут обвинить тебя? – спросил Колчак.

– Нет, они этого не делают, всё равно, если менты найдут наркоту, на них повесят. А не возить их нельзя. Мы на них только и зарабатываем. Сюда к нам вся область едет. Цыгане не дают наркоманам ломаться. А вот бандиты, часто в долг катаются и, как правило, часто забывают возвращать его. Труба, правда, всегда щедро расплачивается, но он единственный среди всех. Он таксистов не обижает. У него у самого автомобилей полно разных. Конечно,

бывают транспортные накладки и у Трубы, и тогда ему приходится прибегать к услугам таксистов.

Плясун

Таксист доел последний чебурек, вытер руки о тряпку и они тронулись с места.

– Ты знаешь, где этот Плясун живёт, – спросил Колчак у Гоши.

– Один раз был, думаю, найду. Машину надо остановить у кафе. Вдруг он там сейчас сидит, – выдал версию Гоша.

– Не должен он там быть. Вероятнее всего он дома у себя забился в угол и дрожит от страха, – сказал Марек.

Он был прав. Плясун был дома, и дверь открывал несколько минут. Когда через дверь ему Гоша крикнул, что весь дом в щепки разнесёт, он быстро открыл её.

Перед ними стоял мужчина тридцати лет с женоподобным лицом. На плечах Плясуна висел атласный халат с китайскими драконами, не по его размеру, а голова перевязана махровым полотенцем. Он не успел испугаться, как получил сильный удар в грудь от Гоши и упал на пол в прихожей.

– Я тебя сейчас сватать буду, – негодовал Гоша.

– погоди Гоша, тормози немного, – остановил его Колчак, – мы же потолковать приехали. А шмасть сотворить ему мы всегда успеем.

– Подымайся сладенький, – ласково сказал ему Колчак, – приглашай дорогих гостей в свой дворец бракосочетаний, а то в прихожей неудобно разговаривать.

Плясун опасливо поднялся с пола, соблюдая безопасную дистанцию от Гоши. Но всё равно Гоша буром лез напролом к лицу своего обидчика, норовя того ударить по лицу. Но промазал, и попал по перевязанной голове. Полотенце слетело на пол, и на удивление всем оголилась черноволосая голова, уложенная в капроновые бигуди.

– Да ты педик оказывается, – возмущался Гоша.

– Мужчина, я не пойму, что вам от меня нужно? – чуть не плача сказал Плясун. – День сегодня, какой – то бешеный, недавно наши мужики приходили. Брата по квартире гоняли, теперь вы за меня взялись.

– Ты мне давай горбатого не лепи, – брызгая слюной орал Гоша, – может у тебя и сиськи есть?

– А почему бы и нет, я нормальная женщина и мне полагается их иметь. Если хотите, взгляните, – и она распахнула при всех свой халат, осветив на секунду свою женскую наготу, где вырисовывались аккуратные небольшие груди, прикрытые бардовым лифчиком и богатая в паху шевелюра брюнетки.

– Я не понял, что за дела, ты кто? – спросил Гоша.

– Марина я, а Мишка мой брат, сказала женщина, и если ты руку ещё раз на меня подымешь, милицию вызову.

Гоша стоял опешивший от разительного сходства брата и сестры.

– Надо же так ошибиться, – бормотал он.

Затем опомнился, и заорал:

– Машка, где твой брат педераст Мишка.

– Нет его, – час назад собрал свои вещи в сумку и уехал. Думаю к своей жене в Кострому. Тут недавно приходили два мужика, за душу его трясли. Когда они ушли он спешно собрался, хлопнул дверью, и ничего мне путём не объяснил. А сама, я позавчера к нему приехала из Казахстана, пока погостить, а там видно будет.

– Ладно, Мария ты прости его, – начал оправдывать Гошу Колчак, – в непонятную ситуацию наш друг попал.

Марек стоял, облокотившись к дверному косяку, прикрыв руками лицо, трясся от смеха.

Хрипатый Гоша не зная, как исправить свою вину, поднял с пола полотенце, и начал делать попытку повязать его обратно на голову Марии.

– Спасибо мужчина, я на вас совсем не обижаюсь. Вы так милы и учтивы, – похвалила она Гошу, что тот зарделся от счастья.

– Я приношу свои извинения, сказал он, – но меня в жизни никто милым никогда не называл. Вы первая ей стали Мария и я готов загладить свою вину коньяком и шоколадом.

И он вытащил из кармана костюма шоколадную плитку и коньяк.

– Проходите, пожалуйста, в дом? – поправив полотенце на голове, она элегантно махнула рукой на вторую дверь.

Первым переступил порог дома Колчак. В нос сразу ударил запах женских духов. Они не разуваясь прошли вглубь дома где находилась кухня. На стене кухни для полотенец висели рога лося.

– Заметь Гоша, у твоего Плясуна эта вешалка, как символ. Он, наверное, всем рога наставляет, – сказал полушёпотом Марек.

Гоша приставил указательный палец к губам, давая Сане понять, чтобы он помолчал.

В кухне была идеальная чистота. Чувствовалось, что в этом доме хорошо приложились женские руки.

– Вот тебе Гоша жену, надо какую, а ты по компьютеру себе ищешь, через Плясуна, – вновь начал шептать Марек Гоше.

– Мальчики, только, чур, при мне не шептаться, – сказала Мария, услышав Санин шёпот, – я к шептунам всегда с недоверием отношусь.

Она достала коньячные рюмки и наложила на тарелку гору печенья.

– Мы Мария не шепчемся, мы вслух можем сказать, – осмелел Марек, когда выпили по рюмке коньяку. – Твой брат Плясун должен нашему Гоше невесту, но безнадежно подвёл его, оставив на бобах. А для него это жизненно важный вопрос. У Гоши большой дом и крупное хозяйство, которое без женской сноровки и тепла может в скором времени рухнуть. Вот я и думаю прикупить ещё выпивки, да сыграть сегодня свадьбу.

– Жениха вижу, а невесту, где возьмёте? – спросила кокетливо Мария.

– А ты, чем не молодая жена. Сразу видно, что хозяйка ты хорошая. В доме у тебя порядок. Ты миловидная, и походка у тебя, как у трясогузки.

– Молодой человек, вы меня в краску, пожалуйста, не вгоняйте, – провела она пальцами украшенными золотыми кольцами по лицу Марек. – Спасибо, конечно, вам за лестную оценку, но вам не приходит в голову, что у меня может быть муж? Мне уже тридцать пять лет, и у нас в Казахстане холостых судят с тридцати пяти лет.

– За что там судят? – удивился Марек.

– За, что? За, что? – передразнила она Сашку, – за простой половых органов, – игриво потрясла она головкой.

– Вы, наверное, шутите? – спросил Колчак

– Конечно, шучу, – она протянула свою ладонь к щеке Вовки, но он отстранился, и перехватил её за запястье руки.

– Фу, грубиян, какой, – кокетливо улыбнулась она, и перевела свой взгляд на Марек.

– Так вы молодой человек считаете, что за долги брата я должна расплачиваться? Нет уж, извините? Вот он придет, с него и требуйте невесту. Это его хобби людей сводить. Все вопросы к нему. А я в вашем городе пока гостя.

– Сегодня гостя, завтра жена, – настойчиво добивался Марек свадьбы. Коньяк делал его чрезмерно разговорчивым и экспрессивным человеком.

Когда Мария встала и прошла мимо Марек в комнату, он похлопал её по попке и с кавказским акцентом выкрикнул:

– Какой джоб? – пять мешков урюк, пять палка.

Она повернулась, без лишнего возмущения покрутила пальцем у виска, и скрылась в комнате.

– Саня, прошу тебя, не надо плохо с ней себя вести? – умолял Гоша, – вдруг у меня стыковка с ней получится.

– Так ты не мычи, а действуй, – подхлестнул его Марек.

Мария быстро вернулась из комнаты с толстой пачкой женских фотографий:

– Посмотрите мальчики, сколько у него невест свободных в запасе осталось? Выбирайте любых, – она бросила снимки на стол.

Вовка с Марексом принялись разглядывать фотографии, а Гоша не сводил взгляда с Марии.

– Напрасно вы не смотрите репродукцию. Она вас в первую очередь должна заинтересовать, – сказала Мария Гоше.

– В данный момент, меня вы интересуете Мария, – совсем осмелел Гоша.

– Наконец – то вы совладали со своей скромностью, – кокетничала Мария. – Я вас, как мужчину понимаю. Но чтобы нам всем было легко собраться с мыслью и обговорить церемонию таинства, не мешало бы ещё коньячку испить. – После чего она из лифчика достала две тысячные купюры.

Услышав обнадеживающие слова Марии, Марек вырвал у неё деньги и громко воскликнул: – Ура! Ура! – через пятнадцать минут «горько» будем кричать

– Вы меня ни чем не смутите, если сейчас произнесёте это горькое и приятное слово, – и она без всяких церемоний, перегнулась через стол и впиалась в губы Гоши.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.